

Цена удачи

Автор:

Элисон Скотч

Цена удачи

Элисон Винн Скотч

Есть женщины настолько успешные, что, кажется, любые беды будут обходить их стороной.

Натали Миллер была именно такой женщиной – судите сами: тридцать лет, помощник сенатора, безупречная внешность и сильный характер.

Ее жизнь меняется всего за один день, когда ей ставят смертельный диагноз.

От Натали уходит жених, начинаются проблемы на работе. Вскоре она остается наедине со своим горем и ее жизнь становится такой же, как у большинства обычных людей: унылые будни, которые скрашивают лишь просмотр телевизора и походы к психотерапевту.

По совету врача Натали заводит личный дневник, чтобы доверить ему все свои тревоги и воспоминания.

Заполняя дневник строка за строкой, Натали пытается понять, почему она, несмотря на множество романов, осталась совсем одна.

И вот, вспоминая всех тех, кто встретился ей на пути, и анализируя все то, что с ней случилось, она делает неожиданное открытие, которое, возможно, многое в ее жизни изменит.

Элисон Винн Скотч

Цена удачи

Посвящается Лиззи.

Я по-прежнему слышу твой раскатистый хохот.

© Смирнова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Цикл первый

Сентябрь

Глава первая

Дорогой дневник!

Итак, я начинаю. Дженис, мой психотерапевт, предположила – возможно, мне пойдет на пользу, если я стану изливать свои чувства на бумагу, вместо чтобы копить их внутри, сидеть сложа руки и жалеть себя. Поэтому я решила попробовать вести дневник. Да и кто стал бы осуждать меня за подавленное настроение? Мне поставили диагноз – проклятый рак, мой парень меня бросил, и никто из коллег не отвечает на мои звонки.

Конечно, когда Дженис посоветовала мне такое развлечение, я сказала ей – мне не о чем писать. Рак заточил меня в четырех стенах – не описывать же, как я часами напролет сижу в темной спальне, размышляя о смерти. Но потом, лежа на диване и глядя в потолок, рассеянно слушая радио, я внезапно услышала голос Джейка, плывущий ко мне по радиоволнам. Джейк. Моя всепоглощающая любовь. Он пел о потерянной любви, и я, зарывшись в подушки, закутав ноги в шенильный плед, думала – может быть, он поет обо мне. Когда диджей поставил новую песню, я решила начать. Это было вдохновение.

Видишь ли, дневник, спустя несколько недель после того, как Нед меня бросил, я увидела: я до сих пор не вполне понимаю, что в наших отношениях пошло не так. Продолжив свои размышления, я осознала: я не вполне понимаю, что пошло не так во всех моих предыдущих отношениях. И, продвинувшись еще на один шаг, увидела: должно быть, мне порой – а может быть, вообще – не хватает самосознания. Ну кто, закончив отношения, хотя бы ненадолго не задумается о причинах разрыва? Конечно, я некоторое время прокручивала в голове сам разрыв – были слезы, чрезмерно драматичные эпитафии и прочее, – но совсем не пыталась понять, почему это произошло.

Поэтому, дневник, я собираюсь в своем сознании еще раз преодолеть каждый верный и неверный шаг, пройденный в прошлом. Я собираюсь проанализировать каждую из пяти любовей моей жизни и увидеть, что мне откроется, кем я стану, чем все закончится. Как знать, к чему приведет этот поиск? В любом случае ты, дневник, составишь мне компанию. Пожелай мне удачи.

До выборов оставалось несколько недель, еще немного времени – на подсчет голосов, и нужно признать, что выход из игры плохо на мне сказался. С тех самых пор, как я закончила юридический, я знала лишь одно: работу. Быстрее, выше, сильнее. Так я добралась до значимой должности старшего помощника сенатора Дуприс. К тридцати годам – тридцать мне исполнилось в начале сентября. К тому моменту, как знакомый мне мир рухнул.

До того, как он рухнул, я была светской дамой. В половине восьмого я уже сидела за столом, пробежав четыре мили, флиртовала с бариста из «Старбакса» и просматривала утренние заголовки. Следующие двенадцать часов были размытыми: целыми днями я умасливала советников, соблазняла лоббистов, ублажала журналистов и стирала с лица земли всех, кто стоял на пути сенатора. Если день выдавался удачным, по вечерам, уже около девяти, мы с Недом

наслаждались китайской едой, и, в последний раз проверив почту, я падала на простыни толщиной в четыреста нитей, чтобы следующим утром все началось сначала.

А теперь? Ну вот, например, что я делала сегодня:

8:27. Просыпаюсь.

8:28. Чувствуя тошноту, перекатываюсь на сторону кровати, которую раньше занимал Нед, стягиваю маску для сна.

8:31. Несмотря на интенсивное использование противорвотного, выписанного онкологом, доктором Чином, избавиться от последствий пятничной химиотерапии я так и не смогла, поэтому из спальни несусь в ванную и сижу, склонившись над унитазом, пока мое тело отвергает то самое лекарство, которое пыталось ему помочь.

8:34. Чищу зубы, вытираю пот со лба и снова забираюсь в кровать, убежденная, что со мной в жизни не случилось ничего хуже, чем этот рак, – а это, если вы знаете, с какими профессиональными трудностями мне приходилось столкнуться, многое говорит о моем отношении к теперешнему моему состоянию.

9:26. Из постели меня выдергивает телефонный звонок, и я уверяю доктора Дорно – Зака, как называю его я, или доктора Порно, как называет его моя подруга Лила, которая встречалась с ним полтора года, а потом без лишних церемоний его бросила, обосновав свой поступок тем, что ей противно встречаться с мужчиной, зарабатывающим на жизнь рассматриванием женских гениталий, – так вот, уверяю доктора Дорно, что у меня все в порядке, мне ничего не нужно и навещать меня не надо. Сажусь в кровати, в зеркале на стене напротив вижу свое отражение: спутанные волосы, пижаму трехдневной свежести, землистого цвета кожу. Нет, твердо говорю в телефон, навещать меня совершенно точно не надо.

10:06. Мои глаза (и, вероятно, мозг) стекленеют, потому что я прихожу в восторг, увидев Боба Баркера в окружении его красоток.

10:11. Противорвотный чай, на который я привыкла полагаться, уже покинул мой желудок, поэтому откусываю банан. Прошло всего три недели (или же один цикл химиотерапии), а я уже потеряла три килограмма.

10:40. Хотя я твердо считала себя экспертом по части шоу «Цена удачи»[1 - Телешоу, участники которого должны угадать стоимость объектов, представленных на сцене. Победитель получает ценный приз - автомобиль, путешествие на курорт и т. д. Один из ведущих - Боб Баркер (см. выше).], мне все-таки не удалось выиграть ни путешествие на Багамы, ни «Форд Ти-Берд». И на что мне теперь жить?

11:02. Пора написать Кайлу на работу.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Что там с Тейлором?

Кайл, я сегодня утром видела газету. Кто слил информацию по налоговой отчетности Дуприс? Ты сам знаешь - Тейлор пойдет на что угодно, лишь бы выиграть выборы и снять ее с работы. Мерзкий, скользкий сукин сын - и при этом депутат! Когда он уймется? Как вы, ребята, будете устранять последствия?

Нат.

11:40. Проверяю почту.

12:03. Проверяю почту.

12:11. Проверяю почту.

12:30. Если придет письмо, смартфон в любом случае меня оповестит, поэтому решаю прогуляться.

1:37. С погодой повезло – теплый сентябрьский воздух греет мое тело изнутри, и, сидя на скамейке в Центральном парке, я замечаю, что меня перестала сотрясать дрожь. От химиотерапии моя кожа превратилась в пищевую пленку, как будто лечение не убивает болезнь внутри меня, а только съедает защитную оболочку. Вдыхаю солнечный воздух, наблюдаю за стайкой молодых мамочек с колясками, проезжающих мимо, и думаю, будут ли у меня когда-нибудь дети. Под ложечкой сосет, и я вспоминаю, о чем говорил доктор Чин – на третьей стадии рака шансы пациенток на фертильность невысоки. Потом вспоминаю, что и шансы на жизнь тоже не особенно высоки – примерно сорок на шестьдесят, плюс-минус, – поэтому выбрасываю из головы мрачные, опустошающие мысли и вкладываю все силы в путь до дома.

2:07. Доедаю банан, погружаюсь в подозрительно сверхъестественный сюжет мыльной оперы под названием «Страсти», включающей в себя ведьму, марионетку и давно пропавшую без вести сестру.

3:11. Тащусь к смартфону, отправляю письмо самой себе, убеждаюсь, что почта и смартфон работают без проблем.

3:20. Время вздремнуть.

3:44. Меня вновь будит телефонный звонок; сонно приветствую Салли, свою лучшую подругу, которая вернулась из Пуэрто-Рико, где весной у нее свадьба. Убеждаю ее, что хорошо себя чувствую и только немного не в себе от сидения на месте. Сенатор Дуприс велела мне взять отпуск на время первых циклов химиотерапии, чтобы я не выжимала из себя все соки, но меня убивает не рак, а скука. Поэтому я и подседа на сериал «Страсти». Посвящаю Салли в свои планы насчет дневника и пропускаю мимо ушей ее слова:

– Возвращаться на место преступления почти всегда опасно. Я однажды писала об этом статью. Психологи говорят – флешбэк в историю приносит больше вреда, чем пользы.

Я возражаю, хотя Салли и писатель-фрилансер (в основном она пишет для женских журналов), и пусть она хорошо разбирается во всех известных областях, тем не менее она не может знать все на свете, и поэтому я не собираюсь воспринимать всерьез ее мудрый совет. Вместо того чтобы спорить со мной, она сообщает, что, если ей придется написать еще одну

малосодержательную статью о губной помаде, она спрыгнет с моста.

4:12. Удаляю кутикулы.

4:11. Выдавливаю прыщи, пока лицо не становится раздутым и пятнистым.

4:30. Накладываю охлаждающую маску, чтобы устранить последствия выдавливания прыщей.

6:02. Проверяю почту.

6:27. Завариваю себе куриный суп-лапшу от «Липтон», сажусь на белый плюшевый диван в гостиной и включаю вечерние новости.

6:30. Мое кровяное давление резко повышается, и я готова лезть на стену, когда Брайан Уильямс показывает кусочек записи о «проверенной» налоговой отчетности Дуприс. Чувствуя, что щеки приобрели нездоровый красный цвет, вдыхаю через нос и выдыхаю через рот, как учила Дженис, чтобы снять стресс, но понимаю – мне не хватит терпения считать до пяти при каждом выдохе, поэтому тут же прекращаю это так называемое успокаивающее упражнение. Кое-как досмотрев до конца записи, несусь, ну хорошо, ползу так быстро, как только получается в тяжелых голубых тапочках и махровом халате, к столу у окна с видом на Коламбус-авеню, который служит мне рабочим местом.

6:38. Строчу Кайлу полубезумное сообщение.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Ты видел вечерние новости?

Не получила от тебя ответа. Повсюду рассказывают это дерьмо про налоговую отчетность. Уже третья программа по Эн-би-си. Что за хрень творится??? Почему ты не отвечаешь??? Неужели без меня все к чертям полетело??? Ответь как можно скорее. Я пока на связи. Звони. Н.

7:11. Хватаю зазвонивший телефон с прикроватного столика и чувствую прилив разочарования, когда на экране высвечивается номер родителей, а не Кайла. Снова рухнув на кровать, смотрю в окно и слушаю мамино стоическое учение, замаскированное под вдохновляющие речи – моя сильная воля сможет победить болезнь, и даже если моя бабушка стала жертвой рака, это не должно влиять на мою веру. Она повторяет эти мантры с тех самых пор, как мой отец приехал из Филадельфии и засел в Вальдорфе, чтобы поддерживать меня во время первых химических облучений, как будто его суровая любовь – все, что нужно для победы над раком. Я сухо говорю маме, что даже не думала о бабушке, но спасибо за напоминание о том, как эта омерзительная болезнь уже оставила отметину на нашем семейном древе.

7:42. Когда мама наконец прощается со мной, чувствую облегчение. Волна тошноты отпускает, поэтому кусаю почти зачерствевшую баранку.

8:23. Изучаю урон от выдавливания прыщей в тусклом свете ванной, выложенной белым кафелем, потом не слишком старательно чищу зубы. К чему заморачиваться, думаю я. Свежесть утреннего дыхания сейчас волнует меня меньше всего.

8:31. Проверяю почту.

8:34. Поднимаю вишнево-красную майку и в зеркало шкафа, отражающее меня в половину роста, смотрю на свою грудь. Смотрю, и смотрю, и смотрю, и думаю – что же я такого сделала, раз мое тело восстало против меня, чем я вызвала этот бунт. Поднимаю глаза вверх, вижу, что в темноте спальни, освещаемой лишь светодиодной лентой шкафа, я почти похожа на ангела.

9:12. Проверяю почту. Нерешительно собираюсь добавить Неда в список рекламной рассылки средства для увеличения члена, которая мне пришла. Вместо этого нажимаю «удалить».

9:40. Засыпаю на диване под «Планету животных», сквозь сон думаю, каково это, когда у тебя есть настоящий лучший друг, который слюнявит твое лицо, даже когда у тебя низкие рейтинги, тело, три дня не мытое, и лицо, похожее на пиццу пеперони от «Рэйс».

Вот так проходит мой день. Конечно, я описала всего один день, но он не слишком отличается от остальных с тех пор, как рак начал свое черное дело. Скажите честно – разве на моем месте вам не нужно было бы хоть какое-то развлечение?

Глава вторая

Все произошло очень быстро; думаю, что именно поэтому я до сих пор, спустя три недели после диагноза, все еще не отошла от шока. Ну то есть вчера я готовила сенатора к принятию главной законодательной инициативы по контролю рождаемости, а сегодня, нацепив тонкий, как бумага, халатик, сижу в назойливо розовом кабинете доктора Зака и вижу, каким поникшим становится его лицо, когда он ощупывает мою правую грудь, и опухоль двигается взад-вперед под его пальцами. Вам нужно понять еще вот что: в этом же месяце мой неверный, мерзкий, подлый бойфренд, с которым я встречалась два года, бросил меня («Я не могу такого вынести!» – заявил он, прежде чем я запустила ему в голову вазой, от которой он на удивление ловко – не такой уж он спортсмен – увернулся); мой источник жизненной энергии, моя работа, свелась к безответным сообщениям, а моя жизнь, мое здоровье, то, о чем я даже мельком не задумывалась, оказалось под страшной угрозой. Поэтому неудивительно, что я расклеилась.

Мне ничего больше не оставалось, как собрать вещи Неда, и легче от этого не стало. Наконец, как следует осознав, что я не собираюсь отвечать ни на один его звонок, он принялся за письма.

От: Сандерсона, Неда

Кому: Миллер, Натали

Тема: Мои вещи

Натали, я понимаю, почему ты не перезваниваешь. Конечно, я выбрал не то время, чтобы рассказать тебе о нас с Агнес. Я хочу поговорить с тобой об этом.

Дай мне знать, как будешь готова. Но прежде всего мне нужна моя одежда. Пожалуйста, сообщи, когда я смогу ее забрать.

С любовью, Нед.

Сидя за компьютером, я фыркнула. Идиот, подумала я. О нас с Агнес. Недоумок. Как вообще можно с таким встречаться, да не то что встречаться – любить такого? Нед, жалкий трус в паршивой физической форме, жуткий зануда, зацикленный на правописании – совсем не тот мужчина, о каких мечтают, когда мечтают о мужчинах. Бросив меня через два дня после того, как нащупал во время скучного утреннего секса предательскую опухоль, он безоговорочно это доказал. В подтверждение своих мыслей я, сделав глоток ромашкового чая, стала печатать ответ. Сейчас покажу тебе, как я готова.

Немного подержав во рту чуть теплый чай, я щелкнула мышкой, чтобы начать вводить текст в пустое белое пространство под заголовком. Слева я напечатала: «почему я тебя любила», а справа «почему не любила».

– Идиот

– С твоей работой и обезьяна справится

– Обожаешь подолгу пялиться в зеркало, поскольку самовлюбленный болван

– Недостаточно симпатичный, чтобы вести себя вышеупомянутым образом

– Весь в бородавках

– Скучный; никогда не расстраивалась, если ужин с тобой отменялся, потому что это был не ужин, а тоска зеленая

– Крошечный член (примечание для читателей: это не совсем так, но он-то не знает)

– Обладаешь поразительной способностью любой разговор с важными людьми сводить к своему семейству и его голубой крови

– Закомплексованный кретин

Слева я сначала поставила знак вопроса, но потом подумала, что мы как-никак встречались два года, поэтому так было бы нечестно. Поэтому я удалила знак вопроса и написала:

– Хороший вкус

– Печешь приличные блины

Обе характеристики были искренними. Когда мы только съехались – точнее сказать, когда Нед только въехал ко мне, вот почему именно я его выгнала, – так вот, когда мы только съехались, Нед не успокаивался, пока наша маленькая квартирка с одной спальней не стала готовой моделью для страниц «Архитектурал Дайджест». Полы из эбенового дерева. Спинка кровати из дорогой кожи. Густо-малиновая прихожая. И да, он готовил неплохой воскресный завтрак. В те редкие субботние дни, когда я была в городе, а он не вкалывал до потери пульса, будучи вице-президентом банка «Голдман Сакс», он просыпался раньше меня и готовил самые лучшие, первоклассные блины, о которых любая девушка может только мечтать.

Но, чтобы не слишком уж тосковать о нем, я еще немного подумала и вскоре поняла, что из двух пунктов в левой колонке складывается еще один, который можно добавить в правую:

– Вышеизложенная домовитость, наводящая меня на мысли о том, что тебе не мешало бы проверить свою сексуальную ориентацию.

А потом я придумала еще один пункт:

– Бросил свою девушку ради шлюхи с нелепым именем

И это тоже было правдой. Если Нед и Агнес когда-нибудь решат размножиться, их дети точно крутыми не станут[2 - Одно из значений слова Ned – экскременты. Чем героине не угодила Агнес, неизвестно. (Прим. перев.)]. Это факт.

Я уже была готова отправить письмо, но потом вспомнила его изначальную цель.

Свои вещи получишь у швейцара. Не хочу, чтобы они провоняли мне всю атмосферу.

Отправить.

Я не впервые столкнулась с необходимостью красиво завершить историю любви. И конечно, если бы не ядерное воздействие химии и чудовищные клетки, продолжавшие делиться в моем организме, этот раз был бы не самым трудным. Нет. Титул самого-самого принадлежал Джейку. Поэтому, пока я вытаскивала из шкафа бесконечные солидные синие в тонкую полоску костюмы Неда и швыряла – именно швыряла: пусть Агнес их гладит! – в спортивную сумку, мне было трудно не думать о Джейке.

Я встретила Джейкоба Спенсера Мартина, когда мне было двадцать пять. Всего за три месяца до этой встречи я, выпускница Йельской школы права, приехала в город, чтобы участвовать в первой предвыборной кампании Дуприс, и, учитывая, в каком графике мне приходилось работать, не искала никаких отношений. Если быть точнее, вообще ничего не искала. Но мокрым октябрьским вечером Салли упросила меня прийти к ней на вечеринку.

– Мы целый месяц тебя не видели! – сказала она и была права: я пряталась в своей несчастной норе на окраине и названивала людям, в последнюю минуту убеждая их пойти и проголосовать. Когда же она, образно выражаясь, топнула ногой и заявила, что, если я не приду, она больше в жизни не станет со мной разговаривать (у нее склонность к преувеличениям), я сдалась. Я закрыла крышку маркера, отодвинула в сторону список телефонных номеров и согласилась встретиться с Салли, Лилой и несколькими другими

представительницами нашей женской братии в баре в Ист-Виллидж. Я даже не удосужилась сменить свой слишком унылый костюм. Уверяю вас, во всем баре только я одна явилась в туфлях-лодочках. И в чулках. И ничего, сошло.

Около десяти на сцену вышли «Мисбиз», группа, на концерты которой мои друзья непременно желали попасть всякий раз, как она приезжала в город. Может быть, дело было в алкоголе, а может, он и в самом деле был офигенным вокалистом, но только я не могла отвести глаз от взъерошенного блондина за микрофоном. Его голос был глубоким и низким; когда он пел о боли и предательстве, о любви и желании, я верила ему. И мне хотелось узнать больше. В конце песни наши глаза встретились, и я ощутила, как участился мой пульс и напрягся живот.

Когда «Мисбиз» закончили петь, вокалист направился к бару, который находился прямо напротив моего стула, и заказал пиво; делая шаг назад, он упустил из вида тот факт, что на пути у него была ножка вышеупомянутого стула. Таким образом, он споткнулся и вылил по меньшей мере половину своего «Хайнекена» на костюм от Донны Каран, который мне подарила мама, когда я поступила на службу к сенатору. Может быть, это был знак, предупреждающий о не слишком счастливом будущем, но когда он вытирал меня платочком и извинялся, обворожительно глядя на меня, я попала на крючок. Моментально и бесповоротно. И быстро была вытащена из воды...

Услышав, как щелкнул таймер микроволновки, я отогнала воспоминания и вернулась к существованию, ставшему теперь моей реальностью. Посмотрела на рубашку в полоску и фыркнула. Нед. Как будто он мог сравниться с великой любовью моей жизни. Как будто он мог больше, чем просто заполнять пустоту. Может быть, я отправлю ему еще одно письмо, подумала я. Просто чтобы он знал. Выбравшись из гардеробной, я швырнула на пол химически вычищенные костюмы от Армани и с наслаждением наступила на них. Должно быть, я позволила себе сделать это несколько раз, прежде чем наконец отойти в сторону.

Я запрограммировала таймер, чтобы он напоминал мне, когда пора принять лекарства: против рвоты, против рака, против всего на свете. Он щелкал четыре раза в день – неясные напоминания о моем новом существовании, на случай, если погружусь в другую реальность. Противорвотные были хуже всего – такие огромные, что их и горилле было бы трудно проглотить, не то что человеку. Я

глотала воду, и колкая таблетка застревала у меня в горле, вызывая рвотные позывы или кашель, а потом все начиналось сначала. Вы думаете, я привыкла к ним за три недели? Бывают вещи, к которым никогда не привыкнешь.

Я вновь направилась к шкафу, подняла с пола костюм Неда и запустила руки в боковые карманы; если он брал с собой деньги, то я хоть свой кошелек пополню. Обыскав лишь половину, я обнаружила тридцать один доллар и сорок семь центов, а еще чек из итальянского ресторана в Вест-Виллидж за то число, когда Нед обнаружил мою опухоль. Сукин сын. А мне сказал, что был в Чикаго. Бросив костюм в спортивную сумку, лежавшую на кровати, чек я забрала себе. Боеприпас на случай, если все станет еще поганее. Будто теперь недостаточно погано, подумала я. Но работа научила меня золотому правилу: хранить при себе улики, которые могут действовать против оппонента, и уничтожать улики, которые могут быть использованы против тебя.

Я полезла на верхнюю полку за его футболками. Футболка с логотипом команды Гарварда. Я бросила ее через плечо в мусорное ведро. Она была его любимой. Не то чтобы он играл в команде, вы же понимаете. Но управлял ее делами, что, как он считал, давало ему полное право носить эту футболку. И не то чтобы его взяли в Гарвард за личные заслуги. Я уже говорила, он недалеко ушел от полного идиота. Но его род восходит чуть ли не к отцам-пилигримам, а приемная комиссия любила людей с родословной, имеющих достаточно денег и связей, чтобы помочь открытию библиотеки-другой.

С той же самой полки я сняла футболку из Мартас-Винъярда с логотипом ресторана «Черный Пес». Летом мы с Недом провели там неделю. Он еще в апреле начал уговаривать меня разгрузить недельку в июле «только для нас двоих», и по отчаянию в его голосе я должна была почувствовать – той жизни, в которой мы были рядом, но не вместе, оказалось недостаточно. Он снова поднял этот вопрос, когда я собиралась отправиться с сенатором в недельный тур по Европе, и я в спешке согласилась нехотя насладиться ленивым отдыхом в типичном домике на пляже Винъярда. В ту неделю я жарила на огне лобстеров, потому что он их любил, я согласилась покататься с ним на байдарке, я ложилась спать гораздо позже привычного, чтобы посидеть с ним на крыльце съемного домика, слушая, как плещутся волны, держа его за руку, глядя на звезды.

Держа на вытянутых руках футболку с надписью «Черный Пес», я почти ощутила вкус домашних пончиков, с которых в ту неделю начиналось каждое наше утро.

Вкусные, сладкие, коричные, мягкие и хрустящие. Нед макал пончик в черный кофе, а я лакомилась медленно, ждала, пока он сам не растает во рту. Может быть, я тосковала не только о пончиках, подумала я теперь. Прижав футболку к лицу, вдохнула, словно все еще могла втянуть соленый воздух, и туманные рассветы, и воспоминания о прежней жизни.

Но ничего этого не последовало. Поэтому я смахнула скупую слезинку, которая вытекла из правого глаза и скатилась по щеке, и с жестокой силой, взявшись за ворот футболки, разорвала ее до середины. Когда захочу прибраться, подумала я, из нее выйдет хорошая половая тряпка.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Пожалуйста, позвони!

Кайл, от тебя ни слова! «Пост» забрызгал этой дрянью всю первую страницу, и ты, я думаю, в курсе. Позвони как можно скорее! Н.

Совсем не радостные утренние новости: грязное белье моей начальницы вывесили на всеобщее обозрение, и суть ясна уже из заголовка. «Двуличная Дуприс». Очаровательно. Если совсем честно, я не знала тонкостей проблем с этой налоговой отчетностью. Будучи старшим помощником, я, наверное, должна была бы их знать, но даже я, будущая Мадам Президент, не была идеальным сотрудником и порой могла напортачить. К тому же грязное белье – часть моей работы. Политиков волнует не сама грязь, а вероятность, что кто-нибудь учует вонь. Сможете выкрутить белье так, чтобы пятен никто не заметил, – ну тогда вы молодец.

В начале весны Кайл, мой ровесник и подчиненный, что не способствует развитию наших с ним теплых взаимоотношений, принес мне бесконечный список подарков, полученных сенатором – включая яйцо Фаберже от русского дипломата и резных слоников слоновой кости от послов.

– Вряд ли это легально, – сказал он мне, отхлебнув большой глоток кофе из большой чашки, без которой я, кажется, никогда не видела Кайла. – Ты вообще видела? Она получает подарков на тысячи тысяч долларов. Думаю, это проблема.

– Проваливай, – ответила я, отмахнувшись от него и глядя в компьютер; так королева могла бы отогнать муху. Поправила эластичную ленту на голове, стянула подкрашенные темные локоны в узел над шеей.

– Натали, я серьезно. Мне кажется, эти кампании могут вылиться в нечто прескверное, и я в самом деле думаю, что у нас будут проблемы. Я просмотрел ее налоговые декларации за последнее время, и... – Он помолчал. – В них указано далеко не все имущество.

Я закатила глаза.

– Все скрывают истинное положение вещей, Кайл. Никто не выкладывает о себе все. Ни наш сенатор, ни все остальные. Никто не заморачивается, никто не попадает. Стандартная методика работы. – Вздохнув, я продолжала уже мягче: – Смотри, я тут загибаюсь, пытаюсь составить проект по контролю рождаемости, а эти засранцы из Миссисипи угрожают его не пропустить – как будто, если дать женщинам право на застрахованный контроль рождаемости, это как-то повлияет на их собственную потенцию. Надеюсь, ты справишься со своей проблемой. Я справлялась с ней годами, пока тебя тут не было, и уверена, с ней справишься и ты. Если у тебя возникнут дальнейшие сомнения, позвони Диане, которая работает на сенатора Кройца; хотя она не особенно захочет об этом болтать, она точно так же скажет – это стандартная методика работы.

Я повернулась к компьютеру, но прежде успела заметить, что его лицо стало вишневым, как первосортный помидор. Несмотря на респектабельный внешний вид – сшитые у портного костюмы, хрустящие носовые платочки и отполированную обувь от «Прада», – внутренне Кайл был отнюдь не такой гармоничной личностью; излишняя эмоциональность была, пожалуй, главной его слабостью. Политикам нельзя бушевать (если это, конечно, не идет на пользу рейтингам; если идет, можно сколько угодно бушевать, брызгать и дребезжать).

– Хорошо. – Он трагически вздохнул; его голос, повышенный на два децибела, сочился презрением. – Но ты меня услышала. Я думаю, это тревожный звоночек, я думал, что ты, как ее старший советник, захочешь знать.

– Ну вот не хочу. Раньше это не было проблемой; уверена, что и сейчас не станет. Поэтому подчищай все, что нужно. Подделывай данные по отчетам, корректируй списки подарков – делай что угодно, – и я продолжила печатать.

– Значит, вот какое твое последнее слово? Делать что угодно?

Вместо ответа я вытянула руку в его направлении и легонько щелкнула пальцами, намекая, что пора бы ему удалиться. Я услышала, как он, повернувшись, чтобы уйти, фыркнул и сквозь зубы пробормотал:

– Старший советник. Как бы не так.

– Кайл, – оторвавшись от работы, я подняла на него глаза. Он повернул ко мне только голову, вместо того чтобы учтиво развернуть весь корпус. – Прости меня. Я просто заработалась, мне вот-вот сдавать проект, и я никак сейчас не могу заняться этим вопросом. Поручаю его тебе, ты справишься.

Он поднял брови.

– Ты? Натали Миллер? Извиняешься? В жизни на это не куплюсь.

– Разумно, – ответила я, чуть заметно улыбнувшись. – Я и не думала перед тобой извиняться. Просто подумала, что, если извинюсь, ты от меня отвяжешься и пойдешь по своим делам. – Я снова повернулась к компьютеру. – Так что иди. И избавь меня от своих проблем.

Поэтому сейчас, читая «Пост» и глотая первую из утренних пилюль, я не имела права осуждать его за безразличие ко мне, когда мое безразличие к его теории возымело неприятные последствия. Как выяснилось, я упустила из вида очень большую и, казалось, совсем не страшную мину замедленного действия. Я включила телевизор. Через пятнадцать минут начиналось шоу «Цена удачи», и, хотя я никогда не могла предположить, что оно войдет в мой распорядок дня, тем не менее так и вышло.

Положив пульт на диван, я направилась в кухню – приготовить себе овсянку. Если в этот день произошло хоть что-то хорошее, так только то, что я наконец стала чувствовать себя довольно сносно. В нашу первую встречу с доктором Чинем, когда я впервые оказалась в его солидном кабинете, отделанном красным деревом, обставленном кожаными креслами и завешанном персидскими коврами, доктор Чин объяснил мне, что есть три стадии химиотерапии. В первую неделю вы чувствуете себя так, словно все ваши внутренности горят огнем, словно химия призвана убить вас в случае, если с этим не справится рак. На вторую неделю вам кажется, что вы выживете; не то чтобы вам совсем хорошо, но относительно мучений прошлой недели вы в порядке, поэтому радуетесь жизни, как будто выиграла в лотерее. А на третью вы вообще не можете поверить, что когда-то ощущали себя такой вонючей кучей дерьма. Химия? думаете вы, – это все, на что она способна? Ну тогда, дорогие боги, пославшие мне рак, я справлюсь с ним, не моргнув глазом.

Неприятность этой системы, которую, я уверена, вы уже поняли, заключается в том, что, когда вы уже собираетесь вернуться к привычной жизни, когда подняли нос, возомнили себя здоровым человеком и принялись за работу, которую выполняли, прежде чем вас подкосила болезнь, – все начинается сначала.

После этого доктор Чин просмотрел мою медкарту, не обращая внимания на звонки своего ассистента, и сообщил, что меня ждет шесть или семь месяцев химиотерапии, цикл – каждые три недели, а потом мы, исходя из моей реакции на лечение, будем двигаться дальше. Где-то в середине или в конце лечения мне предстоит мастэктомия. У меня отнимут мои груди.

Еще он рассказал о том, чего можно ожидать: усталости, тошноты и – чего я боялась больше всего – потери волос.

– Задача химиотерапии – убить быстро растущие раковые клетки, – объяснил он. – Но в результате этой терапии гибнут и клетки здоровые. В том числе прекращается работа ваших волосяных луковиц. К счастью, человеческое тело достаточно умно и жизнеспособно, чтобы волосы снова отросли, когда мы с вами закончим.

Он говорил все это тоном, после долгих лет практики явно предпочитаемым в таких тяжелых случаях, как мой. Твердым и в то же время ободряющим, сочувствующим и в то же время внушающим. Сидя в его кабинете и глядя на

многочисленные дипломы, награды, свидетельства о членстве в медицинском обществе, я тупо кивала головой в знак покорного принятия неизбежности. Как будто у меня был выбор.

О чем я не рассказала доктору Чину, когда он спросил меня о самочувствии, – потому что он, конечно, имел в виду мое физическое, а не эмоциональное состояние, – так это о моей опустошенности. О страхе, пробежавшем по всему телу и буквально парализовавшем меня. О полнейшем ужасе, от которого, едва я услышала слова «у вас рак», у меня перехватило дыхание, поэтому я только и могла, что смиренно кивать. Любые другие действия с моей стороны были невозможны, потому что я просто обмерла.

Мне было тридцать. Я могла стать будущим правителем свободного мира. И тут... это. Мне тридцать, и у меня рак. Мне тридцать, и у меня рак. Я снова и снова прокручивала эти слова в голове, потому что они не складывались и не обретали смысл; они не могли сложиться и обрести смысл. Это. Не. Могло. Случиться. Со. Мной. И все же... случилось. Сидя в кабинете доктора Чина, я ощущала ужас, который приходит, когда вы больше не чувствуете себя неуязвимым, и, может быть, дело было в самом раке, но скорее в страхе, от которого кровь замирала в жилах; я в буквальном смысле хотела свернуться в клубочек и умереть. Потому что слова доктора Чина для меня сводились к тому, что это в любом случае вскоре случится.

Когда я уже собралась уходить, он сунул мне в руку визитку.

– Однажды она может вам пригодиться.

Взглянув, я прочитала: «Миссис Адина Зайдель. Специалист по изготовлению париков». Доктор Чин натянуто улыбнулся мне.

– Она – лучшая в своем деле. И многие пациенты нашли у нее утешение.

Посмотрев ему в глаза, я подумала – как может пучок накладных волос облегчить чье-то существование? Но, не ответив, дрожащими пальцами взяла визитку, поблагодарила доктора Чина за потраченное на меня время и пообещала прийти через несколько дней. Помню, что, выходя из кабинета, не чувствовала ног. Конечно, я шла, я шаркала ногами по линолеуму и потом двигалась по тускло освещенному коридору, но как я шла, не знаю. Я вспомнила

уроки биологии в старших классах, когда учитель, мистер Катц, рассказывал нам о механизме «бей или беги»: если животное в опасности, все его маловажные в данную минуту ментальные процессы прекращаются, и тело действует подсознательно, все силы направлены на то, чтобы отвести угрозу. Но мое тело, столкнувшись с угрозой, отступало. Неспособное собрать все силы на борьбу с самым страшным, оно предавало меня. Уничтожало меня. И движения ног были только началом.

По крайней мере сейчас, несколько дней спустя после первого цикла химиотерапии, жизнь начала налаживаться. Во всяком случае рвота/тошнота/усталость/головокружение прошли. Уже кое-что.

Я просматривала «Пост», пока помешивала овсянку и ждала, когда она остынет. Потянулась за беспроводным телефоном, хотела позвонить Кайлу, но подумала, что лучше дождусь конца «Цены удачи», а потом уже начну его мучить; у меня стало довольно ловко получаться угадывать цены почти на все электроприборы, какие показывали претендентам, однако бакалейные товары по-прежнему были моим слабым пунктом. К тому же я предположила, что Кайл мог быть на утреннем собрании. Конечно же, ответит мне, как закончит. Так что вместо него я позвонила Салли, и она не задумываясь согласилась сопровождать меня во время утренней прогулки. Доктор Чин рекомендовал мне вести как можно более активный образ жизни, но, конечно, не переходить разумных границ, чтобы еще больше не навредить моему измученному телу.

К тому времени, как Боб Баркер объявил решающее сражение за финальный приз (путевку на Таити! Неужели это предлог, чтобы девушки-помощницы ведущего выходили на сцену в купальниках?), от Кайла по-прежнему не было ответа. Зато пришел ответ от сенатора. Или, если быть точнее, от ее помощницы Блэр.

От: Фоли, Блэр

Кому: Миллер, Натали

Тема: Контроль рождаемости

Привет, Натали!!!

Надеюсь, у тебя все хорошо!!! Мы все посылаем тебе наилучшие пожелания и знаем – если кто и сможет с таким справиться, так это ты!!!

Кстати, сенатор попросила меня передать тебе, что она больше не заинтересована в проекте по контролю рождаемости. Она велела мне поблагодарить тебя за непростую проделанную работу (она бы и сама написала, но как раз собирается в Албанию. Понимаешь, она не хочет связываться с контингентом Миссисипи, и еще она сказала: «Я не думаю, что сейчас это очень важно»; надеюсь, ты все поймешь правильно. Уверена, она говорила это в самом лучшем смысле!!! Типа, пока об этом можно не беспокоиться!!! Отличные новости, правда?

Надеюсь, у тебя все отлично!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Блэр!

От: Миллер, Натали Кому: Фоли, Блэр Тема: Ответ на: Контроль рождаемости

Блэр,

Пожалуйста, попроси сенатора отложить поездку в Албанию – я еду к ней. А Кайлу скажи, чтобы соизволил наконец поднять задницу; я намерена по прибытии пообщаться и с ним. Именно так им и передай.

Натали.

Я посмотрела на себя в зеркало. Так совсем не пойдет: редеющие волосы, повисшие жалкими прядками, бледная прыщавая кожа, торчащие скулы, как у Кейт Мосс в разгар наркозависимости. Вот дерьмо, пробормотала я, стоя перед весьма просторным шкафом в надежде найти волшебный костюм, в котором вид у меня будет не то что достойный, но хотя бы немного презентабельный. Мне вполне сошел бы презентабельный. Я выбрала твидовый костюм – пиджак и юбку, натянула телесного цвета чулки и сунула больные от химиотерапии ноги в туфли из крокодиловой кожи. Зоозащитники нашли бы в моем гардеробе большое поле деятельности, несмотря на то что Дуприс (и, следовательно, ее

подчиненные) выступала за права животных – по крайней мере на бумаге. Однако я предполагала, что, если бы зоозащитники порылись в гардеробе Дуприс, они сочли бы его еще более вопиющим, чем мой. Оголтелая фанатка аксессуаров из кожи любых животных, на деле она была совсем не такой образцовой личностью, какой себя считала. Я придерживалась более сдержанного подхода. Больше всего на свете я любила собак, но терпимо относилась и к кошкам; ела красное мясо лишь после как минимум двух бокалов вина. Все реже и реже; можно сказать, я была отчасти вегетарианкой.

Плеснув холодной водой в лицо, я осторожно намазала под глазами тональным кремом от «Стила». Пристально глядя в зеркало, осознала, какая я теперь стала – во всяком случае, для внешнего мира: измученная, всклокоченная, кое-как склеенная, не имеющая ничего общего с моим отражением месяц назад. Я смотрела и смотрела, пока не полились слезы. Держись, Нат, держись, прошептала я себе, чувствуя, как по щеке бежит мокрая капля. Это не я. Это не та, кем я должна быть. Глядя в мокрые глаза своего отражения, я подумала – настанет ли день, когда я снова стану прежней? А потом поняла – невзирая на мои распухшие глаза, этот день может наступить сегодня. Я, Натали Миллер, еду на работу. Чтобы что-то сделать. Чтобы наступила радикальная перемена и матки всей страны оказались под надежной защитой. И, чувствуя прилив адреналина, я снова запустила руку в банку с тональным кремом.

Одного слоя явно не хватало, и я намазала еще одним, и еще, а потом вспомнила статью Салли для журнала «Аллур»: чтобы выглядеть модной и бодрой, точно нанесите белые тени во внутренние уголки глаз. Погрузив палец в открытую баночку теней, сверкавших, как утренний снег в полях, я последовала совету. Не знаю, бодрый у меня стал вид или же я больше напоминала фею на карнавале Хеллоуина, но времени что-то менять у меня уже не было. Сенатор могла уйти в любую минуту. Я стянула лентой еще вполне приличные, хотя и немного поредевшие волосы, накрасила губы розовой помадой, глаза – густой черной тушью и отправилась ловить такси. Черт. Салли! Я позвонила ей уже из машины и сообщила, что прогулка переносится на завтра.

– Ты же не на работу едешь, надеюсь? – спросила она. – Я думала, ты хоть на несколько месяцев расслабишься.

– Экстренный случай, Салли, экстренный случай, – прикрыв рукой динамик смартфона, я попросила водителя срезать путь через Централ-Парк-Вест, чтобы не попасть в пробку. Не обращая на меня внимания, он включил по радио хип-

хоп.

– Хорошо. – Она вздохнула. – А я пишу идиотскую статью о супружеских изменах. Господи, чего бы я только не отдала за нормальную работу! – помолчав немного, она переключилась на меня. – Подожди, Нат, что за экстренный случай?

– Ситуация, в которой мне выпала обязанность в одиночку спасти будущее твоих репродуктивных прав.

– В одиночку? – она снова вздохнула.

– Можно и так сказать.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве ты – сенатор?

– Можно и так сказать, Салли. Не думаю, что она без меня выживет.

Глава третья

К тому времени, как мы наконец вырвались из потока машин на окраине центра, пошел дождь; я сунула таксисту десять долларов и рванула к вращающимся дверям, протиснулась сквозь них, оставив на стекле мокрые отпечатки рук. Двери лифта закрывались, но я закричала: «Подождите!» – и, придержав их пальцами, влетела туда как раз вовремя. «Спасибо», – пробормотала я, ни к кому из находящихся в лифте не обращаясь, и натянуто улыбнулась.

Когда сенатор Дуприс после жестоких сражений заняла свое место шесть лет назад, как раз вскоре после того, как я стала ее помощником, первым делом она перенесла свое рабочее место в Манхэттен. Ей нравилось быть «с народом», как она любила говорить, хотя все общение с этим самым народом сводилось к прогулкам до ресторана «Времена года» или салона Фредерика Феккея и обратно. Наш офис располагался на тридцать первом этаже – слишком высоко, чтобы слышать пронзительные гудки такси, шум строительства, разговоры прохожих, и, конечно, слишком высоко, чтобы видеть лица прохожих и знать об их неприятностях.

Хотя огромное окно моего кабинета выходило на Третью авеню, большую часть времени жалюзи были плотно задвинуты. Когда чересчур яркое солнце лило свет на мой рабочий стол, я ощущала острую нехватку свежего воздуха, без которого предстояло провести следующие двенадцать часов. Так что жалюзи помогали создать иллюзию отгороженности от мира, словно значение имели только проекты на экране моего компьютера, а не люди, на жизнь которых эти проекты могли повлиять.

С того дня, как услышала диагноз, я не выходила на работу. Хотя я, можно сказать, умоляла сенатора позволить мне продолжать свою деятельность, она лично ответила на звонок доктора Чина, и, когда рассказала ему о моих сверхурочных, и моих постоянных разъездах, и, полагаю, моей ненасытной страсти к работе, оба согласились, что мне лучше отдохнуть некоторое время, пока мое тело не привыкнет к химиотерапии. Так считала даже мама – моя мама, которая, когда мне было одиннадцать лет, решила принять участие в Нью-Йоркском марафоне, просто чтобы посмотреть, как ее тело справится с болью (и, по всей вероятности, безумием), и тренировалась пять недель, и всего за четыре часа добралась до финишной прямой. Это чтобы вы не считали, будто добиться ее сочувствия ничего не стоит.

На время первого цикла химии родители приехали ко мне из Филадельфии. «Не надо», – просила я их по телефону, утирая сопلي, так и текущие из носа после рыданий по Неду. Не помню, когда в последний раз так завывала; соседи, конечно, решили, что кто-нибудь умер. Но потом я вспомнила, когда это было. Когда Джейк оставил на моем сердце такую глубокую зарубку, что я не знала, смогу ли снова как следует дышать, не говоря уже о том, чтобы наслаждаться жизнью, которая продолжалась вместе с этим дыханием.

Но они все равно приехали три часа спустя; мама крепко сжимала мое плечо, а я лежала, откинувшись в глубоком синем кресле, и смотрела «Главный госпиталь», в то время как ядовитые токсины отравляли мою кровь. Все не так плохо, сказала я маме в такси по дороге домой, а она почесала мне спинку и прижала мою голову к своему плечу, чего не делала с тех пор, как мне исполнилось пять.

Родители пробыли у меня все выходные. Хотя доктор Чин предупредил меня о симптомах, иногда слов недостаточно, чтобы рассказать о надвигающемся шторме. В тот день мне было слишком тяжело даже встать с кровати и дойти до

туалета. Если сказать, что я чувствовала себя так, словно трактор переехал меня, расплющил и раскатал в блин, это будет похоже на правду. Усилия, необходимые, чтобы поднять мизинец, или большой палец ноги, или даже просто открыть глаза, казались мне задачей, трудной даже для Геракла.

И, конечно, противнее всего стал тот факт, что двадцать четыре часа спустя к моему состоянию прибавилась тошнота. Ничтожные силы в моих резервах уходили на бег до ванной и обратно под угрозой постоянной рвоты. Наконец мама как бы невзначай поставила справа от моей кровати глубокую тарелку из нержавеющей стали, которую мы с Недом купили в магазине «Кров, Кровать и Кроме», когда только что съехались. То, что было куплено с целью лениво наслаждаться изысканными деликатесами вдвоем, как положено совместно проживающей паре, теперь служило емкостью для чистой желчи, вышедшей из моего желудка; у меня не было ни малейшего желания принимать пищу, чтобы тут же ее выbleвать.

Пять дней спустя я медленно выбралась из кокона, которым меня опутала химиотерапия, и родители покинули Вальдорф, чтобы вернуться к своей теперь уже несколько изменившейся жизни. Я осторожно выходила из душа, когда они собирались уезжать и остановились попрощаться.

– Мы вернемся через несколько недель, – пообещал отец, прижав меня к груди, не обращая внимания на мои мокрые волосы; я, не отвечая на объятия, вцепилась в полотенце. Он поцеловал меня в макушку, и я услышала, как надломился его голос.

– Я поговорила с твоей начальницей, – заявила мама, когда объятия отца наконец разжались. – Она сказала, будет лучше, если ты поработаешь на дому – или, еще лучше, вообще не будешь работать – несколько недель или даже месяцев.

– Что? Кто дал тебе право так поступать? Выборы на носу, я не собираюсь брать никаких отгулов. – Я направилась в спальню, чтобы одеться.

– Натали, это не обсуждается, – сказала она мне в спину.

Я натянула толстовку и спортивные брюки, вышла из спальни с полотенцем на голове.

- Не могу поверить, что ты так поступила!

Будто мне снова было шестнадцать, мама позвонила моему тренеру по плаванию и сказала - мне придется покинуть команду, чтобы я могла сосредоточиться на подготовке к экзаменам. Не то чтобы я так уж любила плавание, и, честно говоря, не то чтобы я не считала нужным сосредоточиться на подготовке к экзаменам (в конце концов, никто с низкими результатами не становился президентом; во всяком случае, тогда я думала именно так), но это было так типично: она решала за меня, хочу я плавать или нет.

Мама невозмутимо посмотрела мне в глаза.

- И сенатор, и я говорили с доктором Чином. Все решено, поэтому не кричи на меня, не трать силы. Нужно беречь то, что осталось.

- Почему ты вечно вмешиваешься? - Сорвав с головы полотенце, я бросила его на диван. - Просто черт знает что! Это моя жизнь. Я сама знаю, как мне лучше, и остаться в стороне от работы - точно не для меня!

Мама подошла ко мне и поцеловала в щеку.

- Если честно, милая, вряд ли ты знаешь, как тебе лучше.

Потом она взяла папу за руку, и они вышли, оставив меня дрожать от сырости волос и от последствий химиотерапии. Месяц спустя, когда мне совершенно нечем было заняться, кроме как развивать свои навыки в «Цене удачи», я с абсолютной ясностью понимала - мама совсем меня не знает, и тем более не знает, как лучше для меня.

Когда золотистые стеклянные двери лифта открылись, первое, на что я обратила внимание, - не жужжание младших помощников в своих ячейках, не на пульсацию непрерывно звонящих телефонов. Нет. На отвратительный, тошнотворный запах гнили. Глотнув побольше воздуха и стараясь дышать ртом, я пробиралась сквозь лабиринт перегородок в кабинет сенатора на другом конце этажа. Когда мы только сюда въехали, Дуприс попыталась сделать офис роскошным - я убедила ее, что нет ничего нелегального в том, чтобы потратить

дополнительные доходы компании на ремонт, – но, как она ни старалась, он все равно оставался унылым, безжизненным местом... не считая возни безусловно живых тел. Солидные белые ячейки напоминали муравейник; серовато-голубоватое ковровое покрытие закрывало линолеум; флюоресцентные лампочки свисали с потолка, высвечивая наши извечные темно-красные круги под глазами.

Блэр смеялась в телефон, когда я подошла к ее столу. Заправив за уши пряди светлых волос, она прижала палец к губам и прошептала мне: одну секундочку!

– Я тоже тебя люблю, – сказала она по телефону, а потом, глядя на меня и сияя улыбкой: – Извини.

Явно новый бойфренд. Двадцатидвухлетняя Блэр, только что из Джорджтаунского университета, была еще достаточно наивна, чтобы попасть в лапы юной манхэттенской любви, которой неизбежно предстояло разбиться о твердую землю, когда возлюбленный перепьет и окажется в объятиях другой двадцатидвухлетней в подвальном баре, где пульсирует музыка и слишком много свечей, чтобы соответствовать нормам противопожарной безопасности.

– Я просила его не звонить мне на работу, но ты же понимаешь... – Она помахала наманикюренной лапкой.

– Здесь, мать твою, воняет! Что за хрень? – спросила я в лоб, не обращая внимания на ее романтический настрой.

– О боже, прости. Да, да, я знаю. – Она побледнела. – Это... три дня назад прорвало трубу, и это... вода, кажется, затекла под ковер. Кажется, он... это... заплесневел. Уборщики будут сегодня после работы.

– Ладно. – Я вздохнула и посмотрела на дверь кабинета Дуприс. – Можно войти?

Блэр закусила губу.

– Дуприс только что ушла... – Спрыгнув со стула, она споткнулась о ножку и продолжала уже на октаву выше: – Натали, мне так жаль! Я пыталась сказать ей, что ты сейчас приедешь, но она сказала, что не может ждать, и я пыталась

ее задержать, но...

Я распахнула дверь и захлопнула ее за собой, не дав Блэр закончить речь. Кабинет Дуприс совершенно не гармонировал с теми норками, в которых трудились мы, плебеи. Богатые темно-зеленые шторы обрамляли панорамные окна, роскошный кремовый ковер приятно ощущался под ногами. Стол из эбенового дерева она получила в подарок от индийского посла, утверждавшего, что это творение его сына, поэтому Дуприс не смогла отказаться от презента, который можно было бы рассматривать и как взятку. И конечно, в кабинете сенатора не было флюоресцентных лампочек, высвечивающих последствия вчерашнего ночного бдения. Только медные светильники, расставленные тут и там. Если бы вы не знали, что находитесь в кабинете одной из самых влиятельных женщин Хилла, вы подумали бы, что случайно забрели на страницу каталога «Итан Аллен».

Сев на ее стул, обитый шоколадной кожей, я вывела золотой ручкой, лежавшей на столе справа:

Сенатор Дуприс,

Жаль, что нам не удалось встретиться. Я знаю, Вы не проверяете почту, поэтому оставляю вам записку. Я настаиваю, чтобы Вы пересмотрели свое мнение относительно референдума по поводу контроля рождаемости. Мы сможем избежать неприятностей с контингентом Миссисипи – у меня есть несколько тактик, а также информация, которая позволит их утихомирить.

Пожалуйста, примите к сведению.

Натали.

P.S. Спасибо за орхидеи, которые Вы прислали на прошлой неделе. Они чудесны и прекрасно себя чувствуют у меня в гостиной.

– Господи, Блэр, – сказала я, выйдя из кабинета Дуприс. – Как ты можешь работать в такой вони?

– К ней привыкаешь. Честно говоря, я вообще ничего не чувствую. – Она порылась в кошельке. – Хочешь жвачку?

– Нет, спасибо. – Я вывернула шею, стараясь заглянуть в ячейки. – Где Кайл? Ты передала ему мои слова?

Она сунула жвачку в рот и залилась свекольным румянцем.

– Это... я отправила твой имейл ему на смартфон, но его не было все утро, и он мне не ответил. Я не знала, что делать.

Я вдохнула и выдохнула, как учила Дженис. Но дыхательные упражнения, похоже, совсем не помогали. Поэтому, повторив их три раза, я положила руку ей на стол и смотрела ей в глаза, пока она не вжалась в стул настолько, насколько это возможно сделать, не слившись с ним в единое целое.

Я открыла было рот, чтобы подвергнуть ее жесткой критике за невыполненную работу, но внезапно почувствовала усталость. Усталость, от которой ломило кости. Усталость, от которой хотелось забраться под стол. Я отвела взгляд от Блэр и, больной рукой пытаюсь массировать виски, прижалась спиной к ее столу.

– Натали, с тобой все в порядке? – робко спросила Блэр, склонив голову набок и соорив обеспокоенное лицо.

Я выдохнула и выпрямилась, одернула пиджак, убедилась, что он не помялся.

– Все хорошо, Блэр, все хорошо. – С этими словами я повернулась и пошла в лифту, пока кто-нибудь не заметил, что мне совсем нехорошо.

Цикл второй

Октябрь

Глава четвертая

Мне снова приснился этот сон. Тот же самый, что я видела в первую неделю первого цикла. Я была в безлюдном парке развлечений, смеркалось, и, когда я выглянула из машинки наверху американской горки, я увидела, что внизу собрались клоуны. Тысячи клоунов. Ярко-красные парики качались взад и вперед, дурацкие тяжелые ботинки шлепали по тротуару. Сидя в машинке в самом конце цепочки, я почувствовала, как она резко рванула вперед, и вот я уже летела так быстро, что слезы сами собой навернулись на глаза. Проезжая крутой спуск, машинка замедлила ход, и внезапно (как бывает только в снах) меня со всех сторон сдавила толпа клоунов. Я бы даже сказала, они наводнили все вокруг. Спрессованные вокруг меня, как сельди в бочке, они приторно пахли сахарной ватой. Я пыталась расстегнуть ремень безопасности и выпрыгнуть из машинки, освободиться, пока моя клаустрофобия не дала о себе знать, но американские горки не желали меня выпускать. Мы добрались до вершины подъема, и я почувствовала ее – панику, которая наступает перед тем, как вступишь в мертвую петлю; думаю, нечто подобное испытывают пилоты, когда самолет резко снижается.

– Пожалуйста, – закричала я клоунам внизу, – пожалуйста, дерните за рычаг и остановите!

Но все, что я слышала в ответ – карусельную музыку, улюлюканье на заднем фоне, мой голос, пытающийся прорваться сквозь этот шум и эхом отлетающий обратно. К тому же останавливать было уже слишком поздно. Мы проехали изгиб подъема, и сила притяжения тянула нас вниз. Я попыталась ухватиться за клоуна, прижатого к моему правому боку, но мои пальцы прошли сквозь него, словно он был привидением и ничего не весил. Машина летела, и я летела вместе с ней. Мы неслись все быстрее, быстрее и быстрее, пока не сорвались с карусели и не проехали по мощным тротуарам, оставляя за собой дымный шлейф. Мы приземлились на песчаный бугорок раскатанного пляжа посреди парка, и, хотя я должна была почувствовать облегчение, паника лишь нарастала. Потому что песок тут же обвился вокруг моих ног, как щупальца, и неведомая сила начала засасывать меня вниз, все глубже и глубже, пока я не оказалась по бедра в песке. Я неистово молотила руками по темно-красным клоунским парикам, огромным пуговицам и удушливо пахнущей сахарной вате, но, как я ни старалась, мне не удавалось обрести почву под ногами. Я не могла остановить эту силу. Когда я уже готова была сдаться и смириться с судьбой, ко мне протянулась рука и вытащила меня. Я пыталась разглядеть, кто же меня

спас, но увидела только тень без лица, а потом ушла и она.

Я проснулась на диване под болтовню дамочек из ток-шоу Барбары Уолтерс на заднем плане и потрогала пульсирующую жилку на шее. Осторожно опустила ноги на пол, стерла пленку пота со лба, потянулась за кроссовками. Тошнота почти прошла, как минимум до следующей недели и следующего цикла, поэтому я вытолкала себя за дверь. Доктор Чин советовал быть мягче к своему организму, не перетруждать его, но вместе с тем позволить телу быть активным, дать ему почувствовать, что оно еще живо. С утренними забегами на четыре мили было покончено, но гулять, дышать свежим воздухом и чувствовать энергию города вокруг себя я еще могла.

Начался октябрь, который всегда был моим любимым месяцем: воздух еще хранил тепло ушедшего времени года, но в нем уже повисло обещание осенних холодов. Когда светофор на Севенти-фри-стрит загорелся красным, я остановилась и погладила мокрый нос черного лабрадора, стоявшего со своим хозяином у меня за спиной; в благодарность он облизал мое лицо теплым языком. Я вытерла щеки и улыбнулась. Потом я направилась к Центральному парку; солнечные блики плясали на алых и золотых листьях, и, не считая собачника, в целом мире была только я, воздух, пахнувший мускатным орехом, и все оттенки осени.

Когда Джейк только переехал ко мне, мы каждые выходные подолгу гуляли в парке. Это стало нашей традицией. Одни пары играют в покер, другие любят греблю, а мы обожали исследовать парк, будто нам снова было по девять лет; он был нашей личной игровой площадкой. Мы спотыкались о корни в его дикой части, Рэмбле; мы бродили по бейсбольным полям и смотрели, как играет «Маленькая лига», мы качались на качелях в сумерках и пили мерло.

Потом наше влечение друг к другу ослабло, как неизбежно слабеет любое влечение, и я все чаще проводила выходные в своей норе на тридцать первом этаже, а он – в постоянных разъездах, надеясь стать новым Мелленкампом, Петти, Клэптоном[3 - Британские рок-музыканты.] или кого он там в этом месяце считал примером для подражания.

Сегодня, поскольку я понемногу начинала приходить в себя после цикла химии, я чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы пройти по петляющей тропинке вниз, мимо хоккейной площадки, вокруг карусели. Я остановилась и стала смотреть, как маленькие дети, в основном в сопровождении нянь, хватались за

стеклопластиковых лошадок так крепко, как только позволяли их крошечные кулачки, и пищали от удовольствия, когда лошадки подпрыгивали вверх, вниз и снова вверх.

В то лето, когда нас с Джейком еще не отпустило любовное торнадо, он уговорил меня пробраться на карусели после наступления темноты.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказала я, отметив предполагаемый урон репутации сенатора в случае, если нас арестуют. – Вряд ли старший помощник за решеткой – то, к чему в газетах отнесутся снисходительно.

Но он тем не менее открутил замок, схватил меня за руку и потащил за собой. И это было потрясающе. Совсем как будто мы снова стали трех-, или четырех-, или пятилетними, как малыши, которых я сегодня увидела. Ночь была ясная, и, хотя в Нью-Йорке не увидишь звезд, в темноте парка казалось, что я их вижу. Мы сидели на пестро раскрашенных лошадках, смотрели в небо, любовались светом небоскребов, пронзающих облака, и слушали регги, доносившийся с летнего фестиваля неподалеку. Около часа мы не говорили ни слова, а потом Джейк слез с лошадки, прижался ко мне и поцеловал. А потом мы рухнули в объятия друг друга, как точно не стали бы делать, будь нам пять лет...

Карусель остановилась, музыка стихла. Дети рассыпались в разные стороны, кто-то плакал. Я тоже решила потихоньку уходить, сунула руки в карманы, потуже затянула шарф вокруг шеи. Вряд ли кто-то, кроме меня, заметил резкий холодный ветер. Если он вообще был.

Я приближалась к выходу из парка, когда услышала свое имя за спиной.

– Натали? Нат? Это ты?

Обернувшись, я увидела, как Лида Джонассон, моя однокурсница и в первый год учебы – соседка по комнате, моя лучшая подруга, не считая Салли, и одна из будущих подружек невесты у Салли на свадьбе, – Лида машет мне рукой, стоя под высоким кленом. Идеально выпрямленные, безупречно подкрашенные светлые волосы, темные джинсы, подчеркивающие стройные, как у газели, ноги, и убийственные туфли на шпильках. Лида была воплощением того, как должна выглядеть знаменитость, пусть даже она была знаменитостью лишь в нашем

кругу. Знаменита она была в основном благодаря шпилькам, которые носила довольно часто. Впервые мы встретились в самом начале учебы. Мы сели рядом после того, как обе получили заявки от женского клуба, в которых от нас требовалось немедленно явиться на ланч. Я посмотрела на свой свитер с монограммой, покрутила жемчужный браслет и подумала – ну что, черт возьми, у меня может быть общего с этой девицей? Но в разговоре за курицей гунбао мы выяснили, что цвет волос и длина внутреннего шва рукава имеют мало общего с тем, кто ты на самом деле. Конечно, она с радостью оставила бы меня ради бокала вина с начинающей моделью «Армани», но ее недостатки были ясно видны с самого начала. Во всяком случае, те, о которых я знала.

– Боже, я знала – это ты! – Лила подошла поближе. – Что ты тут делаешь среди бела дня? У меня перерыв на ланч, и... – Тут она побледнела. – Как ты?

Я выдавила из себя улыбку. Очевидно, инстинкт болтать сработал прежде, чем она осознала обстоятельства разговора с больной раком мной.

– У меня все хорошо. – Я кивнула. – Правда хорошо. – Опустив глаза, я оттолкнула ногой хрустящие листья.

– Прости меня, – сказала она, прижимая меня к себе в объятии. – Я должна была позвонить. Салли все мне рассказала несколько недель назад, а я собиралась на работу, и... вот дерьмо. Нет мне оправданий.

– Да все нормально. Правда, – прошептала я в ее кашемировый шарф и шагнула назад.

– Я просто... – Она подняла руку и вновь безвольно уронила. – Я просто не...

– Знала, что сказать? Понимаю. Все нормально, правда, Ли. Многие люди мне не позвонили. Если совсем честно, большинство. Ты не одна. – Я пожала плечами и перевела взгляд на свои кроссовки. В пособии по этикету нет главы о том, как сообщать друзьям, что у тебя рак – по правде говоря, я рассказала об этом лишь тем, кому не рассказать было нельзя. Соответственно, найти слова поддержки для друга, которому угрожает смертельное заболевание, – тоже задача совсем не такая простая, как книжка-раскраска. Я позволила Салли рассказать о моей болезни нескольким избранным людям, чтобы они не узнали мрачные новости непосредственно от меня. Кроме того, я не особенно много общалась с друзьями

прежних лет, не считая маленькой группы, к которой принадлежала и Лила. Так что нет ничего удивительного в том, что с тех пор как я ушла из жизни старых друзей, они не особенно стремились вернуться в мою.

- О господи! - прохныкала она. - Ну вот теперь мне еще хуже. Я просто... я не знаю. Мне нет оправданий. Но я просто боялась, что скажу что-нибудь не то, еще хуже все испорчу и поступлю как засранка.

Я взяла ее за руку.

- Лила, ну правда. Все в порядке. Пойдем прогуляешься со мной. Я как раз собиралась еще раз пройтись по этой тропинке.

Мы с Лилой почти закончили мой второй марафон, когда на меня накатил волна головокружения. Мостовая поплыла под ногами, и деревья внезапно выстроились в диагональ. Я сжала руку Лилы, чтобы не упасть, но не помогло. Вместо этого я потянула ее за собой, и мы обе повалились на вяную траву у тротуара.

- О господи, позвонить кому-нибудь? - Перепуганная Лила полезла за мобильным в кожаную сумочку от «Прада». - Нат! Посмотри на меня, посмотри же! Что с тобой?

Доктор Чин предупреждал меня о приступах головокружения и переутомлении. Лила гладила меня по спине; я зажала голову между колен, как учили в старших классах, рассказывая об оказании первой помощи, и замычала:

- Нет, нет, это просто побочная реакция. Все хорошо.

Не знаю, как долго мы с подругой сидели там, в осеннем тепле чудесного нью-йоркского дня. Когда мое дыхание стало ровным, а глаза смогли смотреть в одну точку, я медленно поднялась и сообщила ей, что хочу продолжить прогулку. Я собиралась завершить начатое, пусть это даже всего-навсего несчастная прогулка со старой подругой спустя пять недель после того, как мне диагностировали рак.

– Нат, ты слишком устала. У тебя лицо такого же цвета, как... как у меня стены. Давай доедем на машине. – Она подняла руку, желая поймать такси, проезжавшее по парку.

– Нет, – сказала я твердо. – Я дойду пешком.

– Натали, не глупи. Ты упадешь в обморок, не дойдя до конца парка. Хватит. Тебе это вредно!

– Не надо указывать, что мне вредно, а что полезно! Не надо говорить, когда мне хватит! – закричала я, и Лила отступила на шаг назад. – Откуда, черт возьми, кому-то другому знать, как мне будет лучше? Я работаю, я правильно питаюсь, я неплохой человек, а потом раз – и выясняется, что все это ничем, ничем мне не поможет! Так какого же хрена со мной случилось такое? – Без предупреждения по моим щекам скатились две крупные слезы, словно последние капли шторма на прошлой неделе. Лила прижала меня к себе и держала в объятиях, пока меня не перестало трясти.

– Прости, – сказала я, опустив взгляд. – Ты просто желаешь мне добра, а я веду себя как ненормальная.

– Ради всего святого, это цветочки по сравнению с тем, как ты вела себя на последнем курсе, когда узнала, что Брэндон тебе изменяет. Вспомнила? Если уж я это выдержала, так со всем остальным точно справлюсь. – Она рассмеялась и протянула мне упаковку носовых платочков. Потом сказала: – Хорошо, я сдаюсь. Мы продолжим прогулку.

Она сжала мою руку, и мы пошли вперед.

– Слышишь меня, рак? – сказала я с ухмылкой. – Я не остановлюсь ни перед чем, пока ты сам не признаешь меня непобедимой.

Дорогой дневник!

Хорошая новость: теперь я почти не думаю о Неде. А когда думаю, мне уже не так сильно хочется помчаться в магазин спорттоваров, купить там алюминиевую

биту и вышибить ему мозги. Ведь это хорошая новость, правда? Это я к тому, что поняла его. Почему он ушел. Нет, не так. Я никогда не ПОЙМУ, почему он поступил именно так именно ТОГДА. Но общую картину, мне кажется, я поняла. По правде говоря, дневник, мы не так-то много времени уделяли нашим отношениям, даже если думали, что достаточно. Я знаю это, потому что моя жизнь не особенно сильно изменилась с его уходом. Я все так же в одиночку съедаю большую часть пищи, я по-прежнему больше доверяю Салли, чем кому бы то ни было, и, если не считать злости, я не испытываю к нему других чувств, я по нему не скучаю. Хм. Будем разбираться. Может быть, когда окончательно разберусь, смогу выслушать и его точку зрения. Но сейчас мне и так спокойно.

И поскольку такова жизнь, как только я смирилась с одним, начались новые неприятности. Понимаешь, дневник, я все чаще думаю о Джейке. Чуть больше, чем надо бы. И еще я подозреваю, что немножко, совсем немножечко увлеклась Заком. Ой, я особенно не рассказывала, кто такой Зак. Сам факт, что он мой гинеколог, уже должен бы отпугнуть меня от него навсегда. Лила шутит, что он видел больше вагин, чем целая бейсбольная команда (а она знает, что говорит, потому что этой весной разбила ему сердце на миллион осколков, взяв и бросив его без предупреждения). Но он поразительно похож на Патрика Демпси[4 - Американский актер, наиболее известный по роли доктора Шепарда в сериале «Анатомия страсти».]и к тому же звонит несколько раз в неделю, чтобы узнать о моем самочувствии, и, когда он звонит, я почти забываю, что у меня рак; довольно глупо, учитывая, что по этой причине он и звонит, но тем не менее. Уточню еще раз: Зак не похож на гинеколога, он не похож даже на бывшего гинеколога. Зеленые озера глаз, стройное тело спортсмена и волнистые волосы, которые так очаровательно вьются у лба... я сомневаюсь, что такому вообще можно было разрешить работать гинекологом, учитывая, что большая часть его пациенток находят его, тридцатичетырехлетнего, куда более сексапильным, чем их собственные мужья. И те десять минут, что он говорит со мной по телефону, я снова чувствую себя нормальной женщиной, у которой может быть нормальный роман с нормальным мужчиной.

Так что между жалкими пережевываниями мыслей о Джейке – где он? играет ли в группах? думает ли обо мне? (в поисках ответа если не на все, хотя бы на несколько вопросов я вчера вечером почти два часа копалась в «Гугле») – и мыслями, что, несмотря на растущее влечение к своему гинекологу, у меня никогда в жизни ничего с ним не получится, я впадаю в панику. Все это я выплеснула на Дженис во время очередного сеанса.

Убедив меня, что а) я все еще сексуально привлекательна для мужчин (ха! если бы, дневник!) и б) такой эмоциональный кавардак абсолютно нормален, Дженис сказала, что не уверена, стоит ли с помощью дневника открывать двери в прошлое (помнишь охоту на бывших), когда на меня свалилось столько проблем; но осуждать меня она не стала. Так и сказала: «Я здесь не чтобы осуждать вас, Натали, а чтобы помочь». Как будто от этого я перестала видеть в ее словах осуждение. Это все равно как в старших классах, когда мама, бывало, подождет губы и скажет мне: «Ну, если ты считаешь это правильным решением...», когда было ясно, что она считала это абсолютно неправильным решением, но делала вид, что не закладывает бомбу пассивной агрессии. Я сказала Дженис, что надеюсь, углубившись в прошлое, разобраться с настоящим; она кивнула и сказала: да, это прогресс.

Остаток сеанса мы провели в беседе о моей теории, что в любых отношениях – дружеских, романтических и т. д. – есть альфа и бета. То есть сильная личность, скала, так сказать, и личность послабее, которая опирается на эту скалу. Говоря о личности послабее, я не считаю ее менее важной в отношениях; напротив, если сойдутся два сильных человека, они могут оттолкнуть друг друга, как те полярные элементы, которые мы изучали на уроках химии.

Я не знала, почему эта теория о вожаке так важна для меня, пока Дженис не предположила, что мне было бы неплохо найти еще кого-нибудь, на кого можно опереться, не считая тебя, дневник. Чтобы мне не приходилось в одиночку тащить такую тяжесть. Я сказала ей, что мне по душе одиночество и по большому счету я уже давно привыкла полагаться только на себя. (Не обижайся! Я нахожу тебя идеальным собеседником.) Она кивнула и сказала, что все понимает, но нужно двигаться хотя бы черепашьими шагами, не бояться принимать маленькие подарки от людей, раскрывающих мне объятия, пусть даже на них нельзя всецело опереться. Я вспомнила, как Салли в прошлые выходные вызвалась быть у меня на посылках, когда у меня не было сил даже сходить за туалетной бумагой, и как Лила после нашей прогулки отпросилась с работы, чтобы посидеть со мной в кафе и рассказать мне свежие сплетни о наших друзьях. Хотя все это, дневник, если честно – ведь вся штука в том, чтобы быть честной, – все это ощущалось довольно вяло.

Ладно, дневник. Я понимаю, что это всего-навсего вторая запись, а я уже забыла о своей изначальной цели – отправиться в прошлое, чтобы не погрязнуть в бесконечной жалости к себе. На этой неделе, честно, я соберусь, перестану гуглить Джейка и займусь Колином из старших классов, а потом Брэндоном.

Будет весело! (Оцени глубину сарказма.)

Я услышала, как повернулась задвижка, прежде чем это увидела. Распластавшись на диване, я смотрела в потолок и высчитывала, сколько квадратных метров жилья нужно человеку, чтобы не сойти с ума. Шестьсот футов моей квартиры с одной спальней вызывали у меня клаустрофобию, черт бы побрал ежедневные прогулки. Я вспомнила комнату, которую в колледже делила с Лилой – тринадцать на тринадцать, не больше; и все же там мне никогда не было тесно. Но в своей квартире я готова была лезть на стену. Я думала, какой вид откроется, если я, как человек-паук, заберусь на потолок, но тут услышала щелканье задвижки и резко села на диване, вжавшись задницей в подушки. Прокрутила в голове список тех, у кого были ключи от моей квартиры. Салли. Но она в то утро работала; она уже сообщила мне об этом в письме. Родители. Но они уехали в Филадельфию. Консьерж. Но он всегда звонил, прежде чем войти. И тут у меня в животе что-то оборвалось. Нед. Мерзкий, как крыса, и вонючий, как скунс, сукин сын Нед.

Сунув голову в дверь, он промычал: «Блин», потому что уронил ключи. Я посмотрела на него, как бешеная собака на ляжку почтальона, а когда он выпрямился, запустила в него пушистой подушкой из ангорской шерсти, на покупке которой он настоял, потому что увидел нечто похожее в «Метрополитен Хаус».

– Вот дерьмо! – завопил он, потому что подушка прилась ему по голове, и он подпрыгнул на два фута в воздухе, чуть не ударившись о дверную раму. Черт, подумала я, совсем немножко не допрыгнул.

– Что ты тут делаешь? – поинтересовался он, предусмотрительно отступив на шаг назад. – Ты никогда не бываешь дома в выходной.

Я скрестила руки на груди.

– Тебе напомнить, герой ты наш? Я прохожу химиотерапию и работаю на дому, – я вытянула руку, – и, само собой, верни мне ключи.

– Блин, Нат, извини. Я не знал, что ты здесь. – Он сжал переносицу, как будто у него мигрень. – Но я тут оставил... ты не положила... в общем, у меня тут кое-

какие рабочие бумаги. Я просто хотел их забрать.

- Выметайся, - сказала я, вооружившись еще одной подушкой.

- Да ладно тебе, Нат. Будь умницей. Мне просто надо найти эту хрень, и я уйду. - Он шаркающей походкой доплелся до журнального столика и положил на него ключи.

Взяв пульт, я включила сериал «Все мои дети» и прибавляла громкость до тех пор, пока весь дом не узнал о запутанных отношениях Эрики Кейн. Краем глаза я наблюдала, как Нед подходит к столу, открывает нижний ящик и роется в бумагах. Найдя две манильские папки, он сунул их в портфель и завис, читая какой-то отчет, который затем смял и бросил в мусорную корзину под столом. Потом продолжил раскопки.

- Тебе это нужно? - Он показывал мне визитку. Я прищурилась, чтобы разглядеть надпись, поэтому он перевернул карточку и прочитал сам. Потом сказал уже мягче:

- Это мастер по парикам, Адина Зайдель.

Придя домой после первого сеанса у доктора Чина, я сунула визитку в ящик со всяким барахлом. Конечно же, подумала я, до такого никогда не дойдет. Прибегать к парикю было для меня все равно что соглашаться на инвалидное кресло; я не нуждалась в поддержке чего бы то и кого бы то ни было. В голове эхом отозвался голос мамы:

- Нет слова «мы» в «Наталия», - она подчеркивала последнюю гласную, - а только «та» и только «я».

Она придумала этот стишок, когда мне было восемь. Мне предстоял первый день в новой частной школе, и, когда она привезла меня в класс, торопясь и попутно делая заметки в записной книжке, я знала, что она хочет поскорее уйти, но все же не могла не попытаться ее остановить. Поэтому я цеплялась за нее, пока не перекрутила ей пиджак до такой степени, что все пуговицы перевернулись; я громко рыдала, и по щеке у меня текла сопля. Моя сгорающая от стыда мать, моя бедная мать, промучившись со мной добрые тридцать пять минут и - как она особенно любила подчеркивать - не прибегая к помощи лекарств, извинилась

перед учителем и выволокла меня из класса. Я думала, мне временно дали отсрочку, освободили от заточения в новой школе с мраморным залом, но вместо этого мама крепко сжала мой локоть и сказала с довольно доброй улыбкой: «Нет слова «мы» в «Наталия», а только «та» и только «я».

Я непонимающе уставилась на нее. Вздохнув, она сказала:

– Наталия (она называла меня «Наталия»), я не могу все время быть рядом с тобой. Ты теперь большая девочка, а большие девочки все делают сами. Я надеюсь, ты будешь вести себя как большая. Теперь тебе надо полагаться на себя.

Я пыталась протестовать, но она оборвала меня на полуслове, закружила, поцеловала в макушку и оставила вытирать сопли и слушаться учительницу.

Нет слова «мы» в «Наталия». И с тех пор, как мне исполнилось восемь, никакого «мы» больше не было.

Я взглянула на визитку и, сама того не осознавая, провела пальцами по редющим волосам.

– Положи на клавиатуру, – сказала я Неду и вновь повернулась к телевизору, не дожидаясь, пока мой голос сломается и выдаст мое одиночество. Он хотел сказать что-то еще, но передумал и продолжал рыться в своих бумагах. Потом воскликнул:

– О господи!

Я сочла это комментарием к рекламе чистящего средства, но он продолжал:

– Я совсем о нем забыл.

Я не смотрела на него; он поднялся и подошел к дивану. Протянул руку, но я сунула ладони под мышки, и он раздраженно ухватил меня за локоть.

– Я купил это для тебя, – сказал он. – На следующий день после того, как мы вернулись из Виньярда.

Я даже не взглянула на нежно-голубую коробочку от «Тиффани», которую он положил мне в руку.

– Почему ты не подаришь это Агнес? – я выплюнула ее имя, как жевательный табак, который однажды попробовала в колледже. Табак и Агнес были мне в равной степени отвратительны.

– Потому что это не для Агнес. Это для тебя. – Он мотнул головой. – Я был так счастлив, вернувшись домой из путешествия. И увидел его в окне... – Он надолго замолчал, и я подумала даже, что он собирается расплакаться. – И купил. Потому что оно напомнило мне о нас. – Он вздохнул. – Напомнило мне о той близости, которая, как я надеялся, нас связывала. – Он пожал плечами. – Но потом мы целую неделю не виделись, и я засунул его в нижний ящик, где ты его не найдешь. И, как видишь, так тебе и не отдал.

– Вижу, – ответила я сухо, потрогала белую атласную ленточку и отложила коробочку в сторону. Нед снова пожал плечами и побрел обратно к столу рыться в своих бумагах.

– Ты должна ее открыть. Даже если меня ненавидишь.

– Ненавижу, – согласилась я. – Это чтоб ты знал.

– Хорошо. Забудь, что это мой подарок. Все равно я уверен, он тебе понравится.

После того как Нед ушел, я поставила коробочку на стеклянный журнальный столик, возле брошенной связки ключей, и, подперев лицо ладонями, опираясь локтями о колени, стала смотреть на нее. Коробочка. Я смотрела на нее так долго, что в конце концов в глазах у меня начало двоиться, и я увидела две коробочки. Два напоминания о том, что осталось в прошлом. Два секрета, убеждающие меня их открыть. Сморгнув несколько раз, я наконец вышла из транса, а потом встала и одним грациозным движением стянула белую ленточку.

Поставила коробочку на колени, открыла крышку. Там, в крошечном мешочке из мягкой ткани, лежало золотое ожерелье. Я стала осторожно вынимать цепочку, опасаясь запутать, и когда наконец вытянула ее из мешочка, увидела подвеску, висевшую на конце, как якорь.

В предпоследний день в Вайнъярде Нед уговорил меня отправиться в дальнюю часть пляжа. Мы, должно быть, прошли не меньше двух миль, прежде чем добрались туда. Он перенес меня через ветхую ограду, и мы оказались на вершине поросшего травой бугорка, напомнившего мне о фотографиях холмов в Англии. Там мы бродили минут пятнадцать, прежде чем я упросила Неда пощадить мои покрытые волдырями ноги, так что он шлепнулся на землю, протянул мне ведро с лимонадом, которое мы взяли с собой, и стал разгребать руками траву. Думаю, безо всякой на то причины. Просто чтобы занять руки. Он как раз собирался бросить очередную пригоршню листочков на ветер, когда заметил кое-что.

– Боже мой, Нат, ты посмотри, – воскликнул он, придвигаясь поближе, чтобы показать мне. – Четырехлистный клевер! Это знак.

Я улыбнулась и согласилась, что это хорошая примета, пусть даже в тот самый момент думала о Джейке.

Теперь, когда ожерелье лежало в моей ладони, я в какой-то степени поняла, что имел в виду Нед. Почему помчался и снял деньги с кредитной карточки. Почему был уверен, что мне понравится подарок. Потому что когда корабль тонет, ты готов цепляться за что угодно, лишь бы удержаться на плаву.

Держа цепочку в вытянутой руке, я увидела, как всполохи света из окна пляшут на подвеске в виде четырехлистного клевера. А потом пошла в спальню и спрятала ожерелье в шкафу, под кашемировыми свитерами. Конечно, оно от Неда, а значит, опоганено. Но все же, подумала я, если кому и нужен предвестник удачи, так это мне.

Тем временем новости на главной странице «Пост» с каждым утром, казалось, становились все хуже. Кроме того, статья о налоговой отчетности сенатора появилась даже на главной странице «Таймс», а это уже означало, что мы по уши в дерьме. Шлепая тапочками по полу, я прошла в гостиную и постаралась силой мысли повлиять на свою почту. «Приходи», – пробормотала я и крепко зажмурила глаза, представляя в списке входящих письмо от Кайла. Обойдя вокруг дивана, повторила: «Приходи». И подпрыгнула, тридцать секунд спустя услышав щелчок оповещения. Может быть, я в самом деле обладаю сверхъестественными способностями, мелькнуло у меня в голове, когда я

неслась к компьютеру.

От: Ричардсона, Кайла

Кому: Миллер, Натали

Тема: Проблемы с отчетностью

Привет, Натали!

Надеюсь, у тебя все хорошо. От того, что ты бомбардируешь меня письмами, нет никакого толка: прими во внимание, что теперь я вынужден выполнять еще и твою работу, поэтому, несмотря на высокую продуктивность, несколько загружен и не могу отвечать на твои письма двадцать четыре часа в сутки. Это, надеюсь, понятно.

Вижу, что ты нервничаешь по поводу статей; я тоже. Кроме того, дальше, судя по всему, будет только хуже – сегодня утром Блэр звонили из «Пост», требуя прокомментировать происходящее дерьмо. Ясно, это дела Тейлора, больше некому. Хотел бы получить твой комментарий (безусловно, такая просьба тебя в высшей степени обрадует). Мне противно признавать, что я нуждаюсь в твоей помощи, но ты ведь уже много раз справлялась с такой задачей. Как нам быть дальше? Какую информацию сообщить? Давай разгромим его в пух и прах.

К. Р.

Я почувствовала, как кровь огромной волной приливает к лицу. Конечно, мы с Кайлом не во всем соглашались, но когда дело доходило до дележа добычи, мы прекрасно ладили. Схватив со стола антистрессовый мячик, я продолжала наматывать круги по комнате. Один, и второй, и третий, пока я наконец не поняла, как быть дальше. Сидя на ортопедическом стуле – на покупке этого предмета не из дешевых настоял Нед, но я в конечном счете признала стул весьма удобным, – я лихорадочно, почти бешено набирала ответ, лишь иногда на секунду останавливаясь, чтобы исправить опечатки, последствия такого яростного стука по клавиатуре.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Давай мириться

Кайл!

У меня все хорошо. Спасибо, что спросил. Бывало и лучше, но что тут поделаешь?

Во-первых, ты сам-то раздобыл ее налоговую отчетность? Неплохо бы, прежде чем мы сообщим о чем-нибудь прессе (очевидно, правда?). Ты как-то о ней упоминал, но тем не менее я подозреваю, что некоторые подарки от почетных гостей были чрезмерны/неуместны/нелегальны. Мы же всегда считали, что никому до них нет дела. Позвони ее бухгалтеру Джину Вайнштоку и спроси у него прямо.

Давай забьем на этого сукина сына. Он на тонущем корабле и готов на все, чтобы подорвать торпедой Дуприс. Пошел он в задницу. Позвони Ларри Дэвису, 212-872-0419. Я наняла его специально, чтоб он выводил все дерьмо на поверхность. Не злись! Я понимаю, что держала тебя в неведении, но зато ты можешь отрицать свою причастность, если Тейлор о тебе узнает. Мне стало известно, что он любит посещать проституток. Как думаешь, его жене это будет интересно?

Нат.

– Выкуси, Тейлор, маленький засранец, – закричала я, кружась на стуле и победно улюлюкая. Джейк говорил мне, что не видел никого, кто так радовался бы успехам на работе; он думал, что по меньшей мере в половине случаев я вкалываю как проклятая лишь для того, чтобы обойти всех остальных.

– Ты будешь рада, если тебя выберут президентом? – спросил он однажды, когда меня вызвали на работу в одиннадцать часов вечера, чтобы отслеживать информацию о политическом кризисе на Дальнем Востоке.

– Только если по пути смогу передавить мешающих мне ничтожных людишек, – ответила я, наклоняясь, чтобы поцеловать его в лоб; он читал, сидя в кровати. – Я шучу, Джейк. Всего-навсего шучу. – Но я чувствовала, он видит в шутке долю правды.

Таймер микроволновки щелкнул, и я пошла принимать лекарство. К тому времени как я открыла оранжевую коробочку, радостное возбуждение понемногу стало отступать, как волна в отлив. Мне нужна была новая доза, поэтому, поперхнувшись пилюлей и наконец ее проглотив, я метнулась обратно к компьютеру; оперевшись на локти, стала смотреть в экран. Смотрела добрых двадцать минут, пока в глазах не помутилось, а мышцы под лопатками не заболели. Выпрямившись, я провела пальцами по волосам. Клок. Впервые выпали не прядки, пять или там двадцать, а большой, ужасающий, душераздирающий клок. Неважно, знала ли я о том, что Тейлор спит с проститутками. Это никак не могло повлиять на мой рак или неизбежное облысение. Ничто, даже мимолетная радость победы, не могло дать отсрочку.

Глава пятая

Теперь я не заводила будильник – не то что раньше, когда мне приходилось каждый день вставать без пятнадцати шесть утра из-за выступлений на радио; сейчас я не видела в нем никакого смысла. Мне некуда было идти. Поэтому, когда рано утром зазвонил телефон, мне сперва показалось, что это во сне. По сути, это и было во сне. Лишь когда до моего полубессознательного мозга дошло, что на необитаемом острове, на берег которого меня выбросило во сне, не бывает телефонов, я сняла трубку стоявшего на тумбочке беспроводного аппарата.

– Натали, милая! Простите, если разбудила! У меня выдалась минутка – я как раз лечу в Нэшвилл на встречу, но, как я поняла, вы говорили с Кайлом?

Я продрала глаза, стряхнула с себя остатки сна.

– Нет, сенатор, я не спала. И да, я говорила с Кайлом. Я стараюсь разобраться с проблемой.

– Очень хорошо. Но мне нужно кое-что прояснить, поэтому я и звоню. Что бы вы ни делали – какой бы выбор ни совершили, – я хочу оставаться в неведении. Не пересылайте мне сообщения Блэр, не информируйте меня обо всей этой ситуации. Это ясно?

Я представила, как она машет рукой перед лицом, только что пристегнувшись ремнем безопасности к сиденью личного самолета компании. Отрицание вины на основании незнания последствий. Вот что важно в нашей работе. Гораздо важнее, чем этика.

Она прокашлялась.

– И тем не менее делайте что нужно, – помолчав, добавила, – я имею в виду, все, что нужно. Все или ничего.

– Я понимаю, сенатор. – Я потянулась за халатом. – И, как я уже говорила, с этим разберусь.

– Вы чувствуете в себе силы с этим справиться?

– Я чувствую в себе силы справиться с чем угодно. Мне так скучно, – я помолчала. – Простите за нескромный вопрос, но неужели из-за этих подарков у вас впрямь могут быть неприятности со службой по внутреннему налогообложению?

– Мне все равно. – Она понизила тон. – Мы в любом случае уверены в успехе выборов.

Я осознала, что она не ответила на мой вопрос, но поняла – она более чем заслужила эти подарки: и стол в замысловатых резных узорах, и золотые вазы в виде слоников, и фарфоровые яйца.

– Весьма откровенно, сенатор. Приму к сведению. И еще мне очень хотелось бы поговорить с вами о проекте по контролю рождаемости.

– Натали, я теряю с вами связь, и мы взлетаем. Спасибо за помощь. – И она отключила телефон.

Весьма типично для нее, подумала я, а потом нахмурилась, потому что не поняла, откуда у меня такая мысль. Положила трубку, взглянула на часы. Девять пятнадцать. Кайл уже два часа как в офисе, и еще час сорок пять до «Цены удачи». Я зашла на почту. Бинго.

От: Ричардсона, Кайла

Кому: Миллер, Натали

Тема: Тейлор вляпался

Нат!

Охренеть. Явная улика. Проститутки? Я позвоню Ларри. Я даже не знал, что у нас есть деньги на частного следователя. Ах ты, хитрая сучка! Я, между прочим, всегда это подозревал.

Но, если не ошибаюсь, у жены Тейлора рак яичников. Может, дадим ему шанс исправиться, прежде чем разрушим брак или /и убьем ее?

К.Р.

Ну да, сейчас дам ему шанс. Спешу и падаю! Но тут я подумала о Джейке и его дурацкой теории – типа, я люблю только побеждать. И ты катись на хрен, пробормотала я Джейку, как будто он был в комнате, как будто мы не расстались два с половиной года назад и он все еще осуждал меня. Но Кайл был прав, пусть даже я и готова была не обращать внимания на эту причину. Сюзанна Тейлор очень открыто и очень храбро боролась с раком яичников, и в самом разгаре ее битвы было бы не очень гуманно указывать на сексуальные наклонности ее супруга. Я постучала пальцами, обдумывая свой следующий шаг. С одной стороны, говорила мне логика, нужно посочувствовать ей, учитывая мою собственную ситуацию и т. д. Но с другой – нужно делать как полагается. Закусив губу, я стала печатать ответ, обдумывая его на ходу.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Ответ на: Тейлор вляпался

Кайл!

Да, я знаю, ты считаешь меня сучкой. Может быть, ты не так уж и не прав. Кто его знает.

Но с каких пор в тебе-то заговорила совесть? Мы должны победить. Звони Ларри.

Нат.

Новости появились на следующий день. Как раз когда я просматривала утренние газеты, позвонил доктор Чин и сообщил, что весьма доволен моим прогрессом на данный момент. При каждом осмотре он подсчитывал количество моих раковых клеток, и по первым итогам было ясно, что химия – невзирая на чудовищные побочные эффекты, головные боли по вечерам, словно голову сверлили перфоратором, и сниженную чувствительность рук – выжигала этих засранцев. Я поблагодарила его за звонок, попрощалась и с нетерпением вернулась к заголовкам газет.

На страницах «Нью-Йорк пост» разворачивалась дуэль. Верхняя половина страницы гласила: «Тейлор и продажная любовь!» – а нижняя: «Двуличная Дуприс».

– По крайней мере, мы не сверху, – пробормотала я в пустоту квартиры.

Плюхнувшись на диван, отбросила «Пост» в сторону, принялась за «Таймс». Что ж, неплохо; наш назревающий скандал перестал быть такой уж новостью и переместился на шестнадцатую страницу. Никто, кроме помешанных на политике, не станет дочитывать до шестнадцатой страницы. Нормальные люди просматривают заголовки, убеждаются, что конец света еще не настал, а потом переключаются на колонку спорта или свежие сплетни. Тейлор оказался на главной странице раздела «Городские новости», конечно, не такой важной, как первая страница, но все-таки довольно заметной. Я кивнула – один балл в нашу пользу.

Положив голые ноги на журнальный столик, я принялась за чтение. Хорошая новость: Тейлор был представлен как потаскун. «Какой муж так поступит, когда его жена больна?» – удивлялась какая-то случайно спрошенная женщина. Плохая новость: сенатора показали в ненамного более выгодном свете. «Богатые продолжают богатеть», – вот какой заголовок был в «Таймс».

Я хотела позвонить Кайлу, но нарвалась на автоответчик. Пошла в кухню, налила себе воды, попыталась еще раз. И еще раз, и еще. Ужасная правда в том, что за следующие несколько часов, еще до одиннадцати, я отчаянно, яростно и бесстыдно пыталась дозвониться до него двадцать раз. Даже «Цена удачи» не смогла меня отвлечь. Я чувствовала, как мои плечи напряглись, а температура повысилась, я представляла Кайла и его елейную, льстивую улыбочку, представляла, как он нежится в лучах моей славы, принадлежащей по праву мне, – и ни секунды больше не могла это терпеть.

Внезапно мне до безумия захотелось сбросить халат на темно-коричневый коврик, вытащить из корзины для грязного белья верный твидовый костюм и вызвать такси, невзирая на нарастающую тошноту. Второй раз на этой неделе отправляясь на работу, я выглядела еще менее презентабельно. Волосы я стянула в подобие узла, но невымытые, поредевшие пряди торчали из него, как китайские палочки для еды. О лице и говорить нечего: в такси я попыталась нанести тональный крем и тушь, но водитель явно готовился к автогонке «Пятьсот миль Индианополиса», поэтому при каждом повороте или внезапной остановке щеточка туши оставляла черные полосы по всему веку. Плюнув на палец, я попыталась их стереть, но удалось лишь размазать и оставить под бровями грязные пятна, похожие на синяки.

Хрипло взвизгнув, машина встала у обочины. Шатаясь, я кое-как прошла через вращающуюся дверь, и, когда протянула охраннику удостоверение, он спросил, все ли со мной в порядке, но я отмахнулась от него, заявив, что все хорошо.

– Господи, Натали, что ты тут делаешь? – изумилась Блэр, когда я вышла из лифта. – Ты бледная, как привидение.

Очевидно, зря я не воспользовалась румянами.

– Со мной все хорошо. Где Кайл? Где Дуприс? Она вернулась из Нэшвилла? – Я склонила голову набок, ища их взглядом. Лучше ему не воровать мою славу.

Блэр кивнула, глядя в сторону кабинета сенатора.

– Да, она вернулась, и он у нее, – опустил глаза, продолжала, – но не думаю, что тебе туда нужно.

Не обращая на нее внимания, я повернулась на каблуках черных туфель и открыла дверь как раз посреди резкой обличительной речи сенатора.

– Нам нанесли сокрушительный удар, черт побери! Его жене все сочувствуют, и все поняли – это наши выходки! – увидев меня, она остановилась. – Натали, вы что тут делаете? Сейчас не время. Слишком много всего произошло. Я так полагаю, вы видели газеты?

Во рту у меня пересохло, и я посмотрела на Кайла, но тот сосредоточенно рассматривал свои ладони. Скосившись на меня, пробормотал: «Отличная работа», после чего уставился в пол.

– Я видела газеты, да, поэтому и пришла. Никто не отвечает на мои звонки. – Внезапно меня затошнило сильнее, чем до этого, и, чтобы не упасть, я вцепилась в свободный стул за спиной Кайла.

– Мне кажется, вам пора домой, – сказала Дуприс твердо, скрестив руки на груди. В ней было никак не больше ста шестидесяти сантиметров роста, но держалась она с таким величием, будто была трехметровой. Даже вне рабочего места Дуприс излучала силу. И власть. Можно было только мечтать быть на нее похожей, потому что ее аура давала понять – похожей на нее вы никогда не станете. Она была, пожалуй, самой красивой из женщин-сенаторов, исправно подкрашивала светлые локоны в салоне, и за шесть лет я ни разу не видела ее без макияжа. К тому же природа наградила ее острыми скулами, поэтому ей не было необходимости их подчеркивать.

– В чем проблема? – спросила я сконфуженно. – Это ведь хорошая новость. Удача повернулась к нам лицом.

– Это вы разгласили информацию о Тейлоре? Телефоны звонят, не переставая, и, честно, я вне себя от бешенства. Вы должны были со мной посоветоваться. – Она рассказывала туда-сюда за столом в замысловатых резных узорах, из-за которого

попала в беду.

– Вы сказали, что ни о чем не хотите знать. Сказали, я могу поступать, как считаю нужным. – Я помолчала, чтобы до нее дошло. – И потом, я так и не вижу проблемы! Мы должны были представить Тейлора плохим парнем. Мы это сделали. Конец. Мы победили.

– Нет, Натали, мы не победили, – отрезала Дуприс и указала мне на стул, на который я немедленно рухнула. – Это. Настоящий. Облом. Это. Никуда. Не годится. Уж здесь вы могли бы посоветоваться. Лично мне глубоко насрать, с кем спит Тейлор, но мне совсем не насрать, что его жена возглавляет борьбу против рака и люди хотят ее поддержать. Знаете, сколько звонков я получила в это утро от людей, которые говорили мне одно и то же: если Тейлор потеряет первенство, Сюзанна потеряет волю к жизни? Потому что ей незачем больше жить. Именно так, слово в слово, мне сказали трое из позвонивших.

Вот она, моя слава, подумала я. Вот куда она отправляется. Прямо в сортир.

– Об этом я не подумала, – сказала я совсем не так уверенно, как мне хотелось бы. Желудок поднялся к самому горлу. Я не завтракала, поэтому была уверена, что тошнить меня не будет, поскольку нечем. Холодный пот выступил на шее, пальцы заболели так, словно готовы были оторваться от ладоней.

– Совершенно верно! – Сенатор взметнула руки в воздух и, перестав расхаживать, указала на нас. – Кайл, разберитесь со всем этим. Натали, отправляйтесь домой. Кайл позвонит вам, если ему будет нужно, но я считаю, вам лучше держаться от этого в стороне. Вы и так достаточно нам навредили.

Кайл затряс головой и яростно сжал кулаки.

– Нет, – сказала я твердо, поднявшись со стула. – Это моя идея, моя вина, мне и выходить из положения. Я начала, я и закончу.

– Ничего подобного, – прошипела Дуприс. – Идите. Домой. Немедленно. Держитесь. От этого. В стороне.

Как будто мне было десять и она отправляла меня в мою комнату за плохое поведение.

Я хотела возразить, хотела напомнить, как в прошлом вытаскивала ее из худших передраг, и о том, что у нас все равно на семнадцать процентов больше и, когда все уляжется, этот потаскун уже не сможет сделать политическую карьеру, но прежде чем успела что-то возразить, изо всех сил метнулась к ее столу за бамбуковой корзиной для мусора. Но не успела. Меня вырвало прямо на дорожные туфли «Джоан энд Дэвид».

– Я и сам бы не смог сказать лучше, – заметил Кайл, направляясь на кухню за бумажным полотенцем.

Сидя на кремовом ковре, впитывавшем следы рвоты, я подняла глаза на сенатора.

– Идите домой, Натали, – повторила она твердо. – Займитесь собой. Хватит с вас работы.

– Я так полагаю, проект по контролю рождаемости мы сейчас не будем обсуждать? – Я закрыла глаза.

– Обсуждение закончено. Впрочем, никакого обсуждения и не было, – сказала она, выходя из кабинета.

К тому времени как меня перестало мутить (в прямом смысле) и я включила телевизор, Тейлор уже сожрал наши пять процентов.

Глава шестая

Дорогой дневник!

Это полное дерьмо, дорогой дневник. Моя жизнь – полное дерьмо. Я знаю, мне должно быть стыдно из-за Тейлора, но знаешь что? Мне не стыдно. В моей работе все средства хороши. Кайл это знает. Дуприс, конечно, тоже это знает. Как они меня отблагодарили? Наплевали на меня, выбросили на помойку. Вот что я тебе скажу, дневник, – пошли они в задницу.

Похоже, остались только мы двое, дневник. Готов к такому повороту? Ну, может быть, не только мы двое. Салли вчера выслушала меня, мерзавку, но было очевидно – она с моей тактикой не согласна. В том году вроде бы она брала интервью у Сюзанны Тейлор и считает ее нормальной теткой. Так и сказала: «Сюзанна нормальная тетка, ей не все равно. Думаю, она помогает многим женщинам в такой же ситуации, как у нее... – Тут Салли замолчала и посмотрела на меня. – Как у тебя». По правде сказать, дневник, меня это задело, потому что мне не особенно приятно, когда меня сравнивают с другими жертвами рака, но все равно Салли меня слушала, и даже, кажется, не сильно осуждала. Поэтому мне кажется, дневник, остались только мы трое. Может быть, это не так плохо.

К тому же тот факт, что с работы мне больше не звонят, вообще-то на пользу той культурной программе, какую я себе наметила. Знаю, ты удивишься, но моя первая охота на мужчину прошла без сучка без задоринки. Ха! Я же тебе говорила – не волнуйся!

На следующий день после всех этих событий я позвонила Колину, чтобы получить ответы на свои вопросы. В моих планах позвонить им всем – нечего смеяться, мой список не такой уж и длинный, чтобы я не успела всех обзвонить к тому времени, как останусь без груди и перейду на другую сторону.

Колин, вполне понятно, удивился моему звонку. Мы расстались как раз перед школьным выпускным. За пять месяцев до этого он лишил меня девственности, хотя, если совсем честно – я ведь должна быть абсолютно честной, поскольку я одна это и читаю, – я очень легко с ней рассталась. Он по-прежнему жил в Брин-Мар, к телефону подошла его жена. Господи, надеюсь, она не стала особенно задумываться, что за странная женщина звонит в обеденное время. Колин вряд ли стал бы ей изменять; думаю, из всех шести он самый верный. Высоко ставит планку, и все такое.

Когда он спросил, почему я звоню, я объяснила – хочу кое-что для себя выяснить и надеюсь, что он может хотя бы частично ответить на мой вопрос. Я не сказала ему о раке, но, думаю, он и так знал – услышал в числе прочих городских

сплетен. Поэтому когда Колин, помолчав, спросил, как я себя чувствую, подчеркивая «как», я поняла – он все знает. Я постоянно слышу, как люди выделяют голосом первое слово, и вижу, как они опускают глаза и качают головой, справляясь о моем здоровье безо всякого желания получить подробный ответ. Знаю, знаю, и Дженис, и Салли сказали мне – людям непросто говорить о раке, как и о смерти. Но разве они умрут (прошу прощения за эту метафору), если заговорят о том, что сейчас для меня – самое важное? Впервые в жизни, поскольку сенатор не отвечает на мои звонки, а от Кайла не было новостей уже два дня, самое важное для меня – болезнь, и никто не хочет знать о ней, но все подчеркивают свое «как».

Но я отвлеклась. Колин все знал, но мы не стали это обсуждать. Вместо этого я спросила, почему мы не остались вместе на всю жизнь, как хотели в выпускном классе, когда занимались любовью, не раздеваясь, в темно-зеленом «Вольво» и верили, что от результатов экзаменов зависит вся наша жизнь; и он ответил:

–?Натали, мы и не собирались этого делать. Я имею в виду – ведь мы оба понимали, что после школы ты отправишься в Дартмутский колледж, в крутой Дартмутский колледж, а я останусь далеко позади и при большом старании окончу с приличными оценками универ Пенсильвании, а потом продолжу дело отца.

–?Но разве мы не любили друг друга? – настаивала я. – Я любила тебя, я помню. Мне казалось, я все для тебя сделаю.

–?Любили, – ответил он. – Но ты была на ступень выше меня, выше, чем мне бы хотелось. А я был куда ниже, чем хотелось бы тебе. И потом, школьные романы долго не длятся. Это все идеализм, которому ничего не мешает: ни тебе вопящих детей, ни неоплаченных счетов, ни работы. Мы просто наслаждались друг другом и думали – пусть все будет как будет. – Он помолчал. – Натали, здесь нет большого секрета. Иногда отношения и не должны ни к чему привести.

Это правда, подумала я. А потом вспомнила некоторые детали: в наше последнее лето вместе он старался вытянуть из меня какие-то обязательства, свидетельства нашей любви, словно хотел убедиться, что я не забуду его, как только уеду в ХанOVER. По правде говоря, чем сильнее он давил, тем больше я сопротивлялась. Мы тянули друг друга, как магниты. В августе, когда мы поздно ночью тайком пробрались к бассейну моих родителей, чтобы спастись от

жесточкой влажной жары и заняться любовью в радужных переливах огня патио, я уже начинала думать – я ничего к нему не чувствую. Я разлюбила его даже раньше, чем отправилась в ХанOVER. Я была, как сказал Колин, выше его. Может быть, я и сама так думала.

Поэтому, когда заплакал его двухлетний ребенок и жена позвала Колина, я поблагодарила его за честность, он велел мне заботиться о себе, и вот так закончилась история с Колином.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Что происходит?

Кайл, я так и не получила от тебя ответа. За два дня отправила тебе четыре сообщения. Смотрю сводки – Тейлор всего на восемь очков позади. Почему ты не принял никаких мер по устранению последствий? Все еще можно исправить, но ты пускаешь ситуацию на самотек.

Нат.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Пожалуйста, позвони мне

Кайл, от тебя по-прежнему ни слова. Пожалуйста, не вынуждай меня снова приезжать – не думаю, что кто-нибудь будет мне рад. Уже десять дней прошло – неужели нельзя поактивнее, ребята? Я скажу вам, что нужно сделать. Вы должны продвигать информацию о пожертвованиях Дуприс в фонды борьбы против рака. Ведь она же делала их, правда? Если нет, врите. За такой короткий

срок журналисты все равно ничего не раскопают. По сравнению с Сюзанной Тейлор она для избирателей – сущий дьявол.

Нат.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Я еду к вам

Кайл!

Не хочу показаться высокомерной, но я все же твоя начальница. Какого черта ты меня игнорируешь? Осталась всего неделя, и нужно что-то делать. Хорошо. Если не хочешь врать о жертвованиях в пользу больных раком, давай добьем репутацию Тейлора. Позвони Ларри Дэвису и выясни что-нибудь другое, не связанное с проститутками, демонстрирующее, какой он паршивый политик. Когда люди поймут, что проститутки – лишь одна из его слабостей, счет изменится в нашу пользу. Если я до середины дня не получу от тебя ответа, я приеду на работу. Не вынуждай меня опускаться до такого.

Нат.

От: Ричардсона, Кайла

Кому: Миллер, Натали

Тема: Впервые тебя услышал

Натали, остынь. Твои непрерывные сообщения и письма ни к чему. Я сейчас под давлением, сама понимаешь. Сенатор велела не мстить Тейлору, как бы ни увеличивались его рейтинги. Она думает, мы так сильно напортачили с этими

шлюхами, – большое спасибо, теперь мне предстоит провести еще несколько чудесных недель, разгребая все это, – так что больше ни за что и браться не хочет.

Кстати, не знаю, говорил тебе или нет, но мне в самом деле очень жаль слышать о твоём диагнозе. Может быть, ты сейчас немного отвлечешься от работы и займешься чем-то поважнее?

К.Р.

Я застыла за столом, пораженная, и вспомнила, как Дженис во время прошлого сеанса сказала мне то же самое, что и Кайл, только не так завуалированно.

– Быть добрее к себе и проводить больше времени, наслаждаясь этой добротой, сейчас очень для вас важно, – говорила она, простирая вперед руки и придвигаясь ко мне ближе как бы в подтверждение своих слов.

Я потеряла виски и сказала ей, что вряд ли гожусь для такого рода терапий; что я здесь по единственной причине – я отправила заявку на ее почту, будучи при этом явно не в себе, а она позвонила мне в тот момент, когда я хотела выброситься из окна; не то чтобы я придавала большое значение психологическим консультациям или даже верила в их силу.

Она кивнула, как, думаю, кивают все психотерапевты – должно быть, их этому учат, прежде чем вручить им диплом, – и сказала, что любая деятельность, какую бы я ни выбрала, подойдет. Главное, заниматься этим из добрых побуждений, добавила она. А еще посоветовала пообщаться с кем-нибудь, чья доброта помогла бы мне: с участниками клуба переживших рак (если бы), с кем-нибудь на сайте (лучше телевизор посмотрю), с мамой (ха!).

Откинувшись на стуле, я закрыла глаза, пытаюсь прогнать головную боль, начинавшую сверлить череп. Доброта. Я громко фыркнула. Конечно, Дженис не понимает принципов моей работы. Не знает, какая нужна броня, чтобы победить. Я думала, что сказать Кайлу и стать ли доброй, чтобы заслужить от Дженис золотую звездочку наподобие той, какие мама клеила на холодильник, когда я в младших классах приносила из школы пятерки. А потом я решила – хотя и в семь лет я уже подозревала об этом – что золотые звездочки

незаслуженно переоцениваются.

От: Миллер, Натали

Кому: Ричардсону, Кайлу

Тема: Большая ошибка

Кайл!

Спасибо за сочувствие, но у меня все хорошо. Что касается Дуприс, то, при всем уважении к ней, она ведет себя как идиотка. Чему нас учили в первую очередь? Защищай свои интересы, ставь их превыше чужих. А она чем занимается? Подставляет себя под удар. Тейлор вот-вот нас обгонит. Сделай что-нибудь. Немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Телешоу, участники которого должны угадать стоимость объектов, представленных на сцене. Победитель получает ценный приз – автомобиль, путешествие на курорт и т. д. Один из ведущих – Боб Баркер (см. выше).

2

Одно из значений слова Ned – экскременты. Чем героине не угодила Агнес, неизвестно. (Прим. перев.)

3

Британские рок-музыканты.

4

Американский актер, наиболее известный по роли доктора Шепарда в сериале «Анатомия страсти».

Купить: https://tellnovel.me/ru/skotch_elison/cena-udachi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)